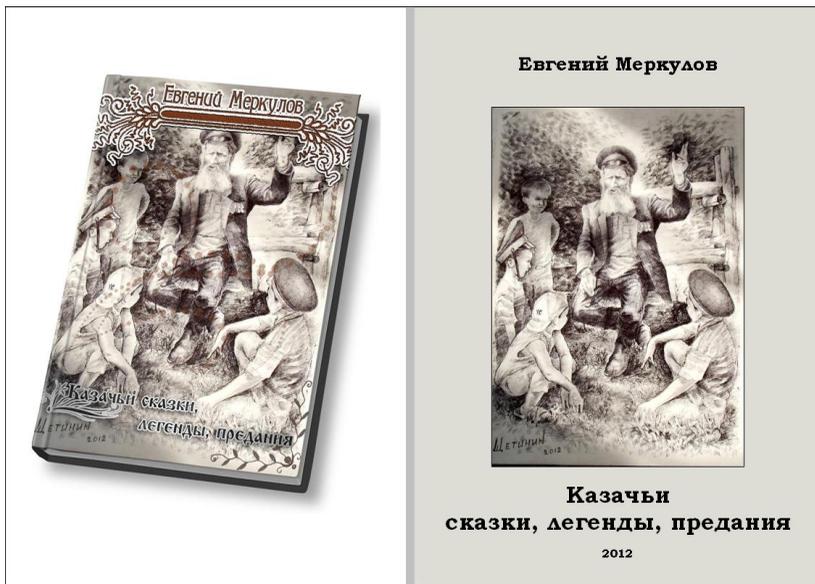

Евгений Меркулов

Евгений Меркулов

Кавказские
сказки, легенды, предания

2012

В этот сборник вошли казачьи байки, легенды, сказки, предания, анекдоты, притчи. Одни сюжеты я нашёл в книжках друзей в Интернете, другие мне рассказали друзья, четвертые пришли по почте знающие и незнакомые казаки. Я только немного кое-где обработал, да перелога эти истории "на бумагу".

Для оформления использовал в основном картинки и фотографии, найденные в Интернете. Там же — указывал авторов работ. Отдельные слова благодарности приношу художникам Юрию Щепинину и Андрею Лещу, разрешившим использовать их работы в качестве иллюстраций. Макет обложки по рисунку Юрия Щепинина сделала Елена Мосеева. Также особо хочу поблагодарить Тетяну Куликову, организовавшего выпуск этого сборника.

Евгений Меркулов

Отпечатано:
Подписано в печать
Заказ № Тираж

Евгений Меркулов

**Казачьи
сказки, легенды, предания**

Содержание

ЗАКОН КОЛЯДЫ ИЛИ ОТКУДА ПОШЛИ КАЗАКИ?	3
ЛЕГЕНДА О БЕЛОМ ОЛЕНЕ.....	5
КАЗАК И СУДЬБИНА.....	9
ВСТРЕЧА НА МУСТА-ТУНТУРИ	12
ЛЕГЕНДА О ДОНСКОМ ЦВЕТКЕ-БЕССМЕРТНИКЕ	16
ЛЕБЯЖИЙ ОСТРОВ.....	21
ЛЕГЕНДА О ЗАПОРОЖЦАХ	28
ПОЧЕМУ У ДНЕПРОВСКИХ И ДОНСКИХ КАЗАКОВ ЧУБЫ РАЗНЫЕ?	33
ЧАЙКА	38
ЛЕГЕНДА ОБ АМАЗОНКАХ	41
ОДОЛЕНЬ-ТРАВА.....	46
ЕРМАК И УЖ.....	50
ЛЕГЕНДА О ТОМ, КАК УРУП-КНЯЗЬ В ГРЯЗИ УВЯЗ.....	54
ГЕРБОВЫЙ ЖЕРЕБЕЙ	58
ПОЧЕМУ НА ОСИНЕ ЛИСТ ДРОЖИТ?.....	61
КОТ АЛИ КАТ?	65
ШАЙТАН БОКЛЮ.....	69
БАТЬКА БУЛАТ	77
ЛЕГЕНДА О КАЗАКЕ	81
ЛЕГЕНДА О КРАСАВИЦЕ-КАЗАЧКЕ	87
ПОЧЕМУ КАЗАКАМ РАЗРЕШЕНО ПРИХОДИТЬ В ЦЕРКОВЬ ПРИ ШАШКЕ?.....	89
ПЕГИЕ КОНИ	93
ПЛАТОВ И КУТУЗОВ.....	97
ЧТО НА СВЕТЕ ВСЕГО МИЛЕЕ?	100
СКАЗ О СВЯТОМ ИВАНЕ-ВОИНЕ И РАЗБОЙНЫХ КАЗАКАХ	103
КАК ЧЁРТ С КАЗАКОМ В ШАХМАТЫ ИГРАЛ	109
КАК КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ ГОСТИЛ	115
КАК КАЗАК ЧУТЬ В РАЙ НЕ ПОПАЛ	120
СБУДИ МЕНЯ ПОРАНЕ	123
ЖАДНЫЙ СТАРОСТА	125
ЗАЩИТА	127
ЛЕГЕНДА О ВОЛГЕ И ДОНЕ	130
ХОПЁР И ВОРОНА.....	135
ПРИТЧА О ДВУХ ВОЛКАХ	138
ПРИТЧА О ДРУЖБЕ.....	139
ПРИТЧА О РАЕ И АДЕ.....	141
ПРИТЧА О СЕМЕНАХ	143

Закон Коляды или откуда пошли казаки?

(по мотивам сказа о казаках)

Про стародавние года
Поют Бояна струны:
Небесный Батька Коляда,
Сын Тарха, внук Перуна,

С Небесной Матью Даж-землёй
В пылу любви горячей
Родили ночью грозовой
Свободный люд казачий.

И Батька выделил сынам
По случаю рожденья
На вековечны времена
Обширные владенья.

– Вот это – ваш родной Присуд.
Запомните, отныне
Вам обитать пристало тут,
Не мысля о чужбине.

"Боян" худ. В. Фаворский

Идти отселева не нать,
Но всей своею мощью
Вы степь родную защищать
Должны и днём и ночьюю.

А на сторожу, в помощь вам,
Характерные чада,
Пожалуй, дядьку Хорса дам,
Он подсобит, коль надо.

Пошлю умений на труды,
И мастерства, и хваток,
Чтоб вы не ведали нужды,
Был в куренях достаток.

Чтоб токмо через общий круг
Считалось решенье,

И принималось без наруг
Моё благословенье.

И были б, Батькины сыны,
Вы света сторожами.
И все поборники войны
Дрожали бы пред вами.

И видя кривду, подлость, грязь,
Усобицы и злобы,
Вы меж собою неприязнь
Не допускали чтобы.

И чтоб от Матери-земли
Грядущему в угоду
Вы перенять себе могли
Любовь к людскому роду.

Таку червону! Дажедь нет,
Багряну, аки сполох
Небесный! Вот вам мой завет.
Да будет век ваш долог!

Легенда о Белом Олене

(по мотивам "Легенды об Оленях" П.С. Полякова из романа "Смерть Тихого Дона")

I

В глубине седых веков на Донском раздолье
Дал Господь для казаков степи в Диком Поле.
И на вечны времена в знак благоволения
Он послал своим сынам Белого Оленя

С тем, чтоб люди никогда ни в словах, ни в деле,
Зверю доброму вреда учинять не смели.
Так и жили много лет предки миром-ладом,
Чтя Божественный Завет, с круторогим стадом

По законам вольных птиц, без вражды и злости.
Но однажды у границ появились гости.
– Кто такие и откель протоптали тропы?
– Мы из северных земель беглые холопы.

Там у нас боярский гнёт крепнет год от года,
Лютый царь как воду пьёт кровушку народа.
Казни, лязганье оков, страшная картина...
Стоят жизни мужиков меньше, чем скотина.

Ох, не стало нам житья никакого боле,
Вот, и в дальние края мы пошли за волей.
Где могучий Дон-отец катит полны воды,
Вкус познаем, наконец, счастья и свободы.

В ноги падаем донцам – Сжальтесь, добры люди,
Дайте бедным беглецам землю на Присуде.
Не гоните, казаки, нет назад дороги.
Ведь у Дона, у реки места хватит многим. –

И казачий круг решил, что своей землицей
От щедрот донской души можно поделиться.
– Что же, ладноть, в добрый час! Место есть покуда.
Оставляйтесь промеж нас на земле Присуда.

Но от рабского клейма отвыкайте, братцы.
С Дону выдачи нема, нечего бояться.
Нет невольничьих цепей, каторги, острога.
Обживайтесь средь степей, поминайте Бога.

II

День за днём, за сроком срок пролетали годы.
Не слабел донской поток, не мелели воды.
Ночка близилась к концу, звёзды в небе стыли,
К атаманскому крыльцу на кобыле в мыле

Прискакал да не казак, не донец весёлый,
А насупленный вожак беглых новосёлов.
– Слушай, батько, дело есть, объявляя тревогу.
У меня худая весть. Я прошу подмогу. –

По призыву на майдан собралось народу.
Вышел пришлый атаман, поклонился сходу.
– Со своих уйдя земель, с казаками вместе
Мы живём, но и оттель получаем вести.

И сейчас наш край родной покорён жестоко,
На него пошли войной полчища с востока.
Всех, кто молод и силён, из родимой хаты
Забирают в свой полон вражьи супостаты.

Бьют детишков, стариков, храмы жгут, иконы...
И рекой струится кровь, и стекает к Дону.
Рушат древние кресты в городах и сёлах.
Помогите нам, братья, объявите сполох.

В этой праведной борьбе с ворогом по праву
Вы стяжаете себе воинскую славу.
Долго думали донцы и решили: "Любо!"
И заржали жеребцы, заиграли трубы.

Бьются в дальней стороне ради дутой славы
И в чужой для них войне падают на травы.
Ну, а дома вой, да рёв, вдовы, да ребята.
Без отцов, да без мужьёв жито не дожато.

На Присуде мор и глад, чёрными ночами
Хутора на степь глядят мёртвыми очами.
Даже если вой-герой приходил с увечьем,
Угощали лебедой... Боле было нечем.

III

Хтось от голода забыл Божье повеленье
И стрелою завалил Белого Оленя.
Только сели жарить плоть, всюду потемнело,
И сказал с небес Господь – Злое вышло дело.

Дон был даден казакам и донские степи,
Чтобы жили вы века в этом благолепьи.
Вы ж ушли с родной земли против Божьей воли,
Славу брэнную нашли там на бранном поле.

И когда же глад затряс ваши поселенья,
Погубили, убоясь, Моего Оленя.
Здесь, над степью, над рекой, принял Я решение:
Павшим воинам – покой! Нет живым прощенья! –

Чёрный вран свои крыла вскинул, словно руки,
И легла на землю мгла, и утихли звуки.
Нет сияния зарниц, потянуло тленом,
Казаки упали ниц в ужасе священном.

Вдруг раздался детский писк, вслед другой, ... десятый...
Горький плач пробился ввысь, в Божии палаты.
И Всевышний услышал в тонком детском плаче,
Что невинных наказал за грехи казачьи.

Поднял лик Господь в слезах светлыя печали,
И от слёз на небесах звёзды засияли.
Солнца пламенный венец тьму рассеял сразу
И решил простить Творец чад своих проказу.

– Вам реку еще одно Божье откровенье:
Много крови суждено зря пролить в сраженьях.
Да и слуги сатаны будут всяко-разно
Вас толкать в круги войны, да пытать соблазном,

Путать с верного пути, и наступит время,
Выбьют вороги почти всё донское племя.
Но не будет казакам Моего прощенья,
Не придут сюда пока новые Олени.

Чтоб не скрылся судный день дней других золою,
Дам вам герб, а в нём Олень, раненный стрелою.
Пусть запомнят казаки новых поколений –
В этом знаке и грехи, и залог спасений.

Там, где зверь мой был убит, дол залив рудю,
Нынче озеро вскипит чёрною водою.
И когда в урочный час воды станут сушей,
Это будет знак для вас – прощены все души.

ЕЛЕНЬ ПРОНЗЕН СТРЕЛОЮ - древний герб Донских Казаков. Генерал А. И. Ригельман в "Повествовании о Донских Казаках" пишет: "От начала же оное Войско или правительство оного имело и ныне еще имеет небольшую печать с изображением оленя, пораженного стрелою и с надписью вокруг оного: Печать Войсковая, олень поражен стрелою. Оную употребляли да и ныне употребляют по Войску своему. Есть ли что малое какое повеление следует послать, то от Канцелярии, за печатью оной, дьяк на полулисте, то есть в четверть писанное, повеление без закрепы посылает, что приемлется за повеление Войсковое". Следовательно было достаточно одной печати без подписи дьяка или атамана. Возрожденная в 1918 г. республика Всевеликое Войско Донское пользовалась тем же изображением для своего герба, но именовалось оно иначе: "Елень пронзен стрелою". В рамке простого геральдического щита на голубом поле изображался белый олень, пронзенный черною стрелою, в позиции стоящей, с рогами в три и четыре ветви.

Идея герба связана с преданиями глубокой старины. Легенда о таинственном олене, уходящем от охотников, была известна в Подонье (Танаиде) уже в первые века нашей эры и относилась историками к киммерийцам, гуннам и готам. Она записана Прокопием из Кесарии (Война с Готами), Иорданом (Гетика), Созоном (История Церкви) и некоторыми другими древними авторами. Может быть, не случайно иранское понятие "сака" - "олень" вошло в состав нашего первоначального имени Кос-сака. Кос-сака на скифском языке значило "белый олень".

От 1709 г. наступила новая фаза отношений Дона с царями, мало изменившихся до революции. Донские Казаки находились на положении народа, покоренного и смирившегося, но общими порядками империи не усвоенного. Земля Донских Казаков получила статус колонии с некоторыми остатками автономного самоуправления.

Древний донской герб "Елень пронзен стрелою" повелением Петра I был отменен и, как бы в насмешку, введен новый - "голый Казак на бочке". Он должен был, вероятно, напоминать Казакам ободренным донага, что царь может в любой момент приказать им взорвать под собою бочку с порохом. От этого времени жизнь Дона, помимо воли, включилась в русло истории российской. Память о былой независимости сохранялась только в преданиях.

Казак и Судьбина

(по мотивам "Казачьих сказок")

*"Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?"*
А.С. Пушкин "Песнь о Вещем Олеге"

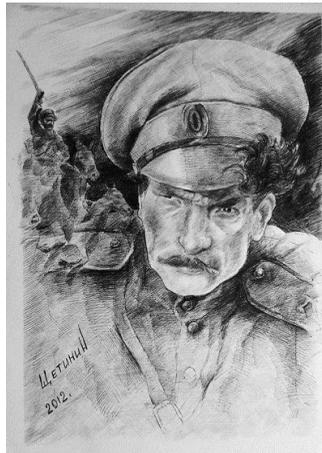
I

Казак молодой на ретивом коне
Покинул родную станицу,
Решил попытаться в чужой стороне
Поймать свою Синюю Птицу.
Немало успелось проехать ему,
Пока на пути он увидел корчму.

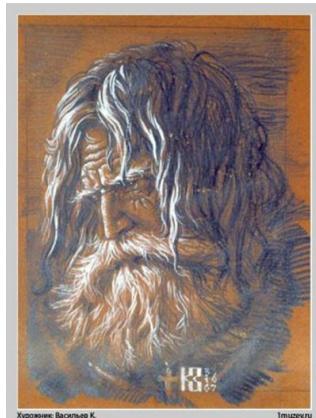
"Вот это и нужно сейчас для меня!" –
Воскликнул казак: "Слава Богу!
Ждёт сытный обед седока и коня,
А вечером снова в дорогу.
Ступай, Воронок, под навесом в тени
От жаркого солнца чуток отдохни".

И только казак уместился за стол,
Попробовал первое блюдо,
Старик седовласый к нему подошёл,
Явившись незнамо откуда.
"Садись, угощайся, почтенный отец" –
Приветствовал старца донец-молодец:

"Кулеш не остыл ещё, прямо с огня.
Я позже поем. Помоложе.
Да мы с тобой, часом, скажи, не родня?
Обличьем трошки похожи".
И старец ответил, усмешку тая:
"Почти угадал. Я – Судьбина твоя".

Автор рисунка Ю. Щетинин

Худ. К. Васильев

На старца внимательно смотрит казак –
Лик в шрамах, согбенные плечи,
Из мутного глаза точится слеза,
На теле следы от увечий.

Неужто мой жребий таков на веку?
И боязно стало в тот миг казаку.

Старик засмеялся: "Гляди, брат, гляди.
Ты видишь Судьбину казачью.
Печали и горести ждут впереди,
А вовсе не Птица Удачи.
Послушай совета, соколик ты мой,
Садись на коня и вертайся домой".

Поехал казак, чтоб не лезть на рожон,
Обратно дорогой знакомой,
Но мыслил: "Я ПУТЬ СВОЙ изведать должен,
Не будет покоя мне дома".
И снова, коня повернувши назад,
Туда поскакал, куда очи глядят.

II

Сколь минуло лет, нам и знать ни к чему.
Но, скорую чуя кончину,
Задумал казак посетить ту корчму,
Где встретил когда-то Судьбину.
К заветному месту примчался скорей,
Глядит, а старик уже ждёт у дверей.

Уселись, по чарочке взяли на грудь
За встречу (а как же иначе?).
– Ну что, убедился? Досталось хлебнуть
Несчастий, упрямый казаче?
"По-разному было: и эдак, и так" –
Судьбине отвечивал старый казак.

– А что, неужели ни разу тебе
На ум не являлись догадки,
Что если бы жил ты покорно судьбе,
То был бы здоров и в достатке?
Ответил казак, как ударил мечом:
"Нет, я не жалею, отец, ни о чём!"

Судьбина пытается: "Могу тебе дать
Возможность начать всё сначала".

Подумал донец и ответил: "Не нать!
Менять ничего не пристало.
Я прожитой жизнью доволен вполне
И шляха другого не надобно мне".

А люди гадают: "Поди близнецы?
Гляди, как похожие лица!
Откуда явились сюда пришлецы?
Кубуть, не из нашей станицы".
А "братья" пыхнули духмяной махрой
И выпили дружно по чарке второй.

"Чему усмехаешься, ну-ка скажи?" –
Судьбина промолвил сурово:
"Коль есть на душе что, открой, не держи
Внутри своё дерзкое слово.
С чего веселишься? Чай, близок конец".
Судьбине ответил с улыбкой донец:

"Был давеча тусклым огонь твоих глаз,
А ныне он ярко лучится.
Вот, я и смекаю, что жизнь удалась,
Попалась мне Синяя Птица.
Хучь стар ты годами, а взор кугаря.
И значит, землю топтал я не зря".

И молвил Судьбина: "Воинственный пыл
Ни шашкой не сбить, ни нагайкой.
Ты прав, казарлюга, по совести жил.
По третьей за волю давай-ка!"
На этом я сказку кончаю, сынки.
И слава те, Боже, что мы – казаки!

Встреча на Муста-Тунтури

(по мотивам рассказа Анатолия Болтенко)

I

В тайге это было лет тридцать назад,
Ну да, на Крещение как раз, в аккурат.

Я сбился с дороги, и ночь на носу,
Но тут заметил зимовье в лесу.

А отблеск огня, что мерцал сквозь стекло,
Сулил мне ночлег и еду, и тепло.

Я в дверь постучался – Эй, есть кто живой?
Хозяин! Хозяйка! Не бойся, открой!

Старик отворил – Заходи, коль не вор.
Один уговор – с папиросой на двор!

Всю жизнь ненавидел табачную вонь.
Садись-ка к буржуйке, там жаркий огонь.

"Трагедия казачества" худ.
Н.Н. Гусаров

Хребет Муста-Тунтури

Погрейся с мороза. Умаялся, чай?
А я заварю со смородиной чай.

Вот сало, картошка, вот хлеба ломоть.
Давай поснедаем, чем дал нам Господь.

Поели, попили душистый чаёк,
И гутор потёк, как весной ручеёк.

И деду поведал я, кто я таков,
Что род свой веду от донских казаков,

На Кольском работать пришлось пару лет,
Теперь вот попал за Уральский хребет.

Дед кинул полешко в буржуйкину пасть.
– Казак да на Кольском? Ну надо ж совпасть!

Послухай, сынок, наберись терпежу,
Из жизни моей кой-чего расскажу.

II

Хребет Муста-Тунтури знаешь, небось?
А мне в сорок первом служить там пришлось.

У нас в разведротe был тоже донец,
Отчаянный хлопец, отважный боец.

Вот как-то зимою с ним в группе одной
Мы в поиск отправились очередной.

Прошли полдороги, не встретив врага,
Но тут нас внезапно застала пурга.

И мы, чтоб укрыться от ветра чуток,
Средь скал отыскиали себе закуток,

Насыпанный снегом естественный грот.
И старший скомандовал – Быстро вперед!

И надо ж случиться! Вползли туды, глядь –
Разведчики-фрицы сидят. – Не стрелять! –

Успел дать команду бойцам старшина
– Достаточно выстрела, всем нам хана!

Обрушится снег, и тогда до весны
Мы будем тут с немцами погребены. –

Глядим – и фашисты не дражнят судьбу,
Боятся затеять в пещере пальбу.

Вот так и сидим, проклиная пургу,
Стволы наготове, молчим, ни гу-гу.

Когда ж напряженье утихло чуток,
Фашист попросился согреть кипятилок,

Спиртовку разжѐг у себя в уголке

И снежной воды вскипятил в котелке.

Меж фрицами слышим негромкий галдёж,
Вдруг знаками кажут, мол выпейте тож.

Не брать бы даров от незваных гостей,
Да каждый промёрз до серёдки костей.

Пока переждали бы злую пургу,
Ледышками стали бы, сидя в снегу.

Так, в очередь пили крутой кипяток
И немцы, и мы за глоточком глоток.

Вдруг видим, как фриц изменился с лица,
По имени нашего кликнул донца.

Казак пригляделся, рванулся вперёд
И именем русским фашиста зовёт.

Объятия, слёзы и мат-перемат...
Так с братом нечаянно встретился брат.

В суровые годы гражданской войны
За Врангелем старший ушёл из страны.

А младший за красных тогда воевал,
И каждый другого погибшим считал.

А мы ошалели, никак не поймём –
Стрелять али пусть разберутся вдвоём?

Но нет разговора, и оба молчат,
Лишь брату в глаза смотрит пристально брат.

Потом расходились, как те петухи,
Друг другу в лицо предъявляя грехи.

Но знать дали каждый своим, чтоб опять
Не вздумали их перебранке мешать.

Дошло и до драки, все замерли, ждут,
Что будет в итоге: конец иль капут?

А кончилось тяжко. Разбитые в кровь
Обнялись, рыдая, брательники вновь.

И всё было в плаче: прощенье, укор...
Так толком не вышел у них разговор.

К своим разошлись, вот такие дела.
Тот к фрицам, тот к нашим. Война не ждала.

III

В буржуйке огонь незаметно погас.
Закончил старик свой печальный рассказ.

Сказал, словно вырвал слова из тисков,
– Ох, жалко, ребята, мне вас... казаков.

Вся жизнь у вас то стрельба, то гоньба.
За что же вас так поломала судьба?

Легенда о донском цветке-бессмертнике

(по мотивам легенды донских казаков)

Отцу

I

Давно это было, в лихие года
На Дон налетела с востока орда,

Прошла по Присуду с мечом и огнём,
Хлеба потоптала монгольским конём,

Поля окропила казачьей рудой,
Связала невольников крепкой уздой,

Разрушила храмы, сожгла городки
И в степи вернулась от Дона-реки.

А вслед за ордой от свово куреня
Плелись полоняне, судьбину кляня.

Ох, много донцов той далёкой весной
Узнали про вражий аркан власяной.

II

У Марьи-казачки монголы родню
Забрали с собою в полон на корню -

Любимого мужа и сына-мальца,
И дажедь почтенного старца-отца.

Спалили избёнку, порушили баз,
Она, же в леваде укрывшись, спаслась.

Ох, как горевала, оставшись одна,
Уж лучше б с семьёй бедовала она!

Потом порешила, что будя кричать,
В Орду ей дорога, родню выручать.

Отвесила Дону прощальный поклон
И двинулась прямо в ордынский полон.

Нелёгко и долог был путь у неё,
Безлюдные степи, не встретишь жильё.

Достались казачке и холод, и зной,
И голод, и жажда, и волчий конвой.

Она шла вперёд, разбирая следы,
И так через год добрела до Орды.

Оборвано платье, обуви нема,
Зияет прорехой пустая сума,

Тоща, что и мёртвый глядится живей,
Но всё же добралась до цели своей.

III

Марию доставил в шатёр караул,
И хан на неё с интересом взглянул:

- Чего тебе, женщина? Кто ты? Откель?
Зачем ты пришла? Какова твоя цель?

- Ты зришь пред собою казачью жену,
Супруг мой и чадо в ордынском плену,

Родитель мой с ними, я так их люблю!
О, хан, отпусти их на волю, молю!

А коли непустишь, бери меня вслед.
Мне жизни на воле без родичей нет.

И хан ей сказал: - Ты смела и горда!
За то, что решилась добратся сюда,

С тобой отпустить я могу одного,
Того, кто дороже, милее всего.

Мария задумалась, спала с лица

И, глядя сквозь слёзы, сказала: - Отца!

Воскликнул правитель, услышав ответ:
- Подумай, отцу твоему много лет!

Он пожил на свете, казачка, к тому ж
С ним рядом томятся твой сын и твой муж.

Погибнут в неволе, вдали от Руси.
Не хочешь супруга, хоть сына спаси!

Мария сдержала рыданье в груди:
- Ты мыслишь, что баба рехнулась, поди?

Тяжел этот выбор, но сам посуди,
Ведь я молода, и вся жизнь впереди.

Я с помощью Божьей на этом пути
Смогу себе нового мужа найти...

Вновь сына рожу - буде воля Творца,
Но кто мне заменит родного отца?

IV

Внимательно выслушал женщину хан
И нукеру крикнул: - Скачи за шихан!

В степи средь привычного всем ковыля
Цветок необычный взрастила земля,

Сиреневый цвет, как в Ононе вода.
Найди и сорви, и немедля сюда!

Вернулся посланник, доставил цветок,
И хан, протянув его женщине, рёк:

- Твой мудрый ответ оценить я сумел
И выполнить просьбу твою захотел.

Ты с этим цветком походи по Орде,
Искать своих близких с ним можешь везде.

Но помни, для поиска выделен срок,
Пока не завянет, не сгинет цветок.

Найдёшь их - до дома дорога пряма,
А нет, не взыщи, оставайся сама.

Загадка таилась в его словесах,
И тлела улыбка в раскосых глазах.

Взглянула казачка, лишь молвила: - Ах!
И высохли слёзы на впалых щеках.

Отвесила хану поклон - Исполать!
Спасибо за милость! Пойду их искать.

Предчувствием встречи с родными полна,
С цветком по Орде зашагала она.

Сияли глаза, как над Доном рассвет.
А хан ещё долго смотрел ей вослед.

V

Бессмертником кличут цветок на Дону,
Имеет он тайну-загадку одну.

Ить, как утверждает казачья молва,
Он может не вянуть не день и не два,

Неделю и месяц, кубыть даже год,
Бессмертник сиреневым цветом цветёт.

VI

А кто из потомков казачьих родов
Сейчас, как Мария, на подвиг готов?

А ежели выбор предложат такой,
Кого мы возьмём на свободу с собой?

И даст ли нам кто на пороге беды
Бессмертник иль даже хучь кружку воды?

Надеяться, вдруг да придёт мудрый хан?
А може, не ждаты? Подскажи, атаман!

Лебяжий остров

(по мотивам сказки кубанских казаков)

В куширях, в камышах схоронившись хитро,
Первый раз шёл в разведку по плавням Петро.

Чёлн турецкий девчата видали не зря,
Вон, в протоке, с тревожными криками "Кря!"

Стая уток вспорхнула. Засада! Враги!
"Берегись!" - шепчет чакан - "Обратно беги!"

Но бежать не позволит душа казака,
"Попытаюсь я взять-захватить языка.

Перед всеми похвалит меня атаман -
От, Петро, молодец! Обдурил басурман!

Сам малой, ну а пленный - бугай, большерук.
Вишь, как булькамы зыркает, башибузук!"

Так, мечтая, как слава ероя найдёт,
Наш разведчик побрёл осторожно вперёд,

Вострой саблей легко раздвигая камыш.
Вдруг удар по потылице... темень да тишь.

* * *

"Ну, казак, где залого у вас? Не таи.
Коль ответишь, то все эти деньги - твои.

А не скажешь, так будешь висеть до поры
На осине, пока не зажрут комары" -

Толстый турок с усмешкой глядел на Петра.
Этот взор не сулил никакого добра

Молодому попавшему в плен казаку,
Что висел на аркане пред ним на суку.

Ни полслова Петро не промолвил в ответ.
Он-то знал, что надежд на спасение нет.

Лютой смерти над ним занеслася рука,
Но ничто не могёт покорить казака

И заставить друзей своих верных предать.
Ить, покуда в опасности Родина-мать,

Будет сердце казачье, как твёрдый булат,
И смертельные муки его не смягчат.

Оглянулся Петро на знакомый курган
И увидел, как солнце спускалось в лиман.

Где-то там, за курганом, в станице сейчас
Ждёт маманя сынка, не смыкаючи глаз.

Ждёт Маруся невеста, почти что жена.
Эх, сыграли бы свадьбу, да сука-война...

Рази можно в тот край за Кубанью-рекой,
Где родился, где предки нашли свой покой,

Туркам путь указать, не сгорев со стыда,
До родного гнезда? Ни за что! Никогда!

А пузач улещает: "Ты - храбрый казак,
И на век твой победных достанется драк,

А разок проиграть никому не страшно.
Да и вызнать секрет мы смогём всё равно.

Ить Аллах тебя в руки нам дал неспроста,
Чтобы шлях показал ты в родные места.

Пожелай он победы твоей стороне,
Был бы я сейчас связан, а ты на коне.

Посмотри, вот кошель, в нём монеты звенят.
Покажи нам залого и будешь богат.

Хоть ты молод годами, но, вижу, толков.
Станешь важным пашою среди казаков.

А не скажешь... Аркан свой сниму я тогда,
Когда твёрдою станет вода ото льда,

Когда мух снеговых налетит белый рой.
Только ты не увидишь их, глупый герой.

Тебя высушит солнце и высосет гнус,
Но пощады не будет, Аллахом клянусь!"

У Петра голова наливалась свинцом,
Он на турка смотрел с потемневшим лицом.

Резал руки верёвки тугой перехват
И стучало в висках: "Я подвёл. Виноват!

Опоил меня призрачной славы дурман,
Я не выполнил дела. Прости, атаман.

Зря в лесочке густом у излучья реки
Ждут меня из разведки друзья-казаки".

Толстый турок прищурился, сузив зрачок:
"Ну, так что, не раздумал молчать, казачок?"

Тот, сухим языком проведя по губам,
Покачал головой, мол, секрет не отдам.

"Ты, казаче, наверно сдурел от жары?
Но помогут язык развязать комары.

Утром, хочешь не хочешь, секрет нам отдашь" -
Прошипел басурман и полез в свой шалаш.

* * *

Солнце ниже и ниже спускалось в лиман,
Над землёй расстилался белёсый туман,

В этот вечер закат был кроваво-багров,
И звенела победная песнь комаров.

Распознали, подлюки, насколько сладка
И приятна горячая кровь казака.

Дружно взялся за дело безжалостный гнус,
И всё тело горело, как общий укус.

"От, проклятые вороги!" - думал казак -
"Лучше сразу бы вбылы, не мучили так".

Только турки храпят в шалашах до утра,
И им дела нема до мучений Петра.

Он просил: "Хоть бы дождик меня освежил,
Остудил лихоманку искусанных жил".

Но ни облачка нету на небе ночном,
Лишь вдали что-то движется тёмным пятном.

"Ой, Кубань!" - он молился - "Ой, ридна река!
Поможи же мэни, защити казака!"

Нет ответа, а ветер донёс до ушей
Монотонно-печальную песнь камышей.

Смежил веки Петро, выжав слёзную соль.
Забытьё и дремота ослабили боль.

* * *

То не звон комариный, не шум тростника,
Шелест волн ото сна разбудил казака.

Будто на ухо шепчет: "Казаче, поглянь,
Вон идёт наша гарныця дева Кубань".

На невесту Марусю похожа чуть-чуть,
Только косы волнами струятся на грудь,

Мудрость плещется в серых бездонных глазах,

Да запутался месяц в густых волосах.

- Значит, ты услышала, что ты мне нужна?
"Услышала, Петруша", - шепнула она.

Ты запомни, что горе твоё - не беда,
Ить защитник земли не умрёт никогда.

И не бойся, коханий, теперь ничего".
А студёные руки ласкали его.

Свежей влагою ветер лицо окропил,
И губами казак её жадно ловил.

* * *

А наутро прохлада окутала лес,
Мелкий дождик на землю струился с небес,

Казака не палил изнуряющий зной,
И он бодрый очнулся от дрёмы ночной.

Толстый турок, зевая, покинул шалаш
И спросил у Петра: "Что решил, делибаш?"

Будешь первого снега тут ждать на суку
Или звон золотых всё ж милей казаку?"

Долго шутке смеялся, держась за бока,
А потом заглянул под откос бережка.

Вдруг от ужаса турок стал белым, как мел.
Он, упав на колени, на миг онемел,

А потом закричал, указуя на брег:
"О, великий Аллах! Да откуда тут снег?!"

Он гяурам на радость, а нам на беду,
Но я воли твоей супротив не пойду".

Басурманин из ножен достал ятаган
И от страха дрожа, перерезал аркан.

- О, великий Аллах! Твоя воля - закон.
Я неверным сдаюсь вместе с войском в полон.

Коли дал нам Аллах удивительный знак,
Мы готовы идти за тобою, казак.

Вот гора ятаганов, пистолей и стрел.
Мы связались арканом, как ты повелел. -

- Что такое? При чём тут турецкий Аллах?
Может быть, мои други спешат на челнах?

И какой же шайтан напугал басурман,
Что, вон, даже паша бросил свой ятаган? -

Посмотрел под откос удивлённый Петро.
Снегом берег блестит, что твоё серебро.

- Вот те на! За меня заступилась Кубань.
Снег не мог пасть на землю в такую-то рань. -

В этот миг из-за серых насупленных туч
Путь пробил себе радостный солнечный луч.

Следом солнце лиман осветило сполна,
И качнулась внезапно снегов пелена.

Белоснежные льдинки, скользнув по воде,
Обратились в сотни гусей-лебедей.

Стаи вверх поднимались, роняя перо.
"Это ж птицы, не снег" - догадался Петро.

И повёл своих пленных туда, где челны
Безмятежно качались на гребне волны.

* * *

Ну, а тот островок на лимане с тех пор
Прозывают "Лебяжьим", таков уговор.

И не дай тебе, Боже, коль кто из людей
Вдруг замыслит обидеть гусей-лебедей.

Легенда о запорожцах

(по мотивам казачьей легенды)

I

Порог Ненасытец гудел и стонал,
Днепровские волны бурлили,
А дед Опанас у костра вспоминал
Казачьи легенды и были.

– Когда это было? Не помню, сынки.
Видать, в летописцы не гош я,
Но славно гуляли тогда казаки
В ковыльных степях запорожья.

Народ был бедовый, отважнее льва!
Красивы, дородны и статны.
Их конное войско завидев едва,
Враги убежали обратно.

Казак ить, ребятушки, с ним не шути!
Он, время не тратит на речи,
На бой не сробеет один к десяти
И выйдет с победою в сече.

"Казачья вольница" худ. А.П. Лях

Порог Ненасытец

Ни девок, ни жёнок (тут каждый – бобыль),
Ни чад голосащих, тем боле.
Лишь небо, да Днепр, да высокий ковыль,
Да воля, бескрайняя воля!

Оружие в яхонтах, яркий жупан,
Конь-ветер, что вскачку стремится.
Казак запорожский – он сам себе пан,
Свободная, вольная птица.

И все их боялись, они ж – никого,
И нехристей били нещадно,
Чтоб впредь до днепровских крутых берегов
Тем было ходить неповадно.

По водным просторам, не зная преград,

Скользили их быстрые чёлны,
И "чайки" казачьи забыли навряд,
Я чай, черноморские волны.

На турок, татар и иных басурман
Ходили, бывало, в походы,
Но боле, чем самый богатый дуван,
Ценили там радость свободы.

II

А русской царице меж тем донесли
О жизни привольной казачьей,
И ей захотелось (хитры москали!)
На службу принять их, тем паче,

Узнала, что в хлопцах есть удаль, и стать,
И прыть, и мужчинская сила.
А это, последнее, надо сказать,
Владычица шибко любила.

И чтоб запорожцев на службу завлечь,
Короче, оформить наёмку,
Царица немедля отправила в Сечь
Вельможного князя Потёмку.

Увидел светлейший насколь хороши,
Отважны сыны запорожья,
И вспыхнула зависть, отрава души,
Коварность разыграла вельможья.

Подумал Потёмка – Не можно никак
Везти этих хлопцев в столицу,
А то ненароком какой-нить казак
Собой очарует царицу.

Вон, сила мужская из них так и прёт,
Любой подойдёт в фавориты.
А мне что тогда? От ворот поворот
И двери в покои закрыты!

Покои-то ладно, да нет дураков,

Чтоб власть самолично отдали.
Поэтому нужно послать казаков
В поход, да отсюда подале! –

Для царских придворных интрига, обман –
Привычное, милое дело.
Светлейший подарки раздал, хитрован,
И сети расставил умело.

Сокрыв ото всех настоящий наказ,
Он именем русской царицы
Просил казаков поспешить на Кавказ,
Чтоб с местной царицей сразиться.

Мол, злая колдунья – придумывал он –
Грозит государыне нашей,
И надобно взять эту курву в полон
Живую иль мёртвую даже.

А сам себе мыслил – Уйдут казаки,
Назад не воротятся вскоре.
Побьют их кавказской царицы полки
В сраженьях у Чёрного моря.

А тех, кто удачно в кровавых боях
Со смертью сыграет в орлянку,
Накажет потом мусульманский Аллах,
Пошлёт им болезнь-лихоманку. –

Поверили хлопцы в обманную речь.
Коль просит царица толоку,
Коней оседлали, оставили Сечь,
Направили войско к востоку.

Уехали разом, собравшись за час,
Забыв на Днипро оглянуться.
И нету с тех пор их – сказал Опанас, –
И вряд ли обратно вернутся.

III

А что с ними случилось? Чудные дела!

В легенде вот так говорится:
В полон запорожцев без боя взяла
Кавказская эта царица.

Без сабельных ран, без железных оков,
Петлёй власяной не арканя,
Навек привязала к себе казаков
Прекрасная дева Ковбаня.

Краса от рожденья дана была ей.
Не можно представить и в сказке
И стан её гибкий, и пламя очей,
И взор с обещанием ласки.

Лишь только увидев её, казаки
Забыли о цели похода,
Привольные степи, густые колки,
Днепровские быстрые воды.

Ковбаня, сказав, что во всех влюблена,
Остаться позволила с нею.
И хлопцы остались на все времена,
Уйти от царицы не смея.

С тех пор Ненасытец тоскует, ревёт,
Пеклуется в вое и плаче.
Столетия проходят, а он всё зовёт
Ушедшее войско казачье.

И Днепр вспоминает о тех временах,
Когда басурманам на горе
Он лёгкие "чайки" носил на волнах
До самого Чёрного моря.

А степь, что упрятать могла без числа
Лихих казаков с атаманом,
Сегодня завяла и вся поросла
Сухим низкорослым бурьяном.

И лишь по весне из заморских сторон
На Днепр возвращаются птицы,

Приносят оттуда казачий поклон
И вести о жизни станицы.

Река засыпает, вздыхая во сне
О славе казачьего рода,
А птицы купаются в тихой волне,
Нырять в днепровские воды.

Почему у днепровских и донских казаков чубы разные?

(по мотивам казачьей легенды)

I

Ну, садитесь, внучата, настала пора
Для обычных вечерних рассказов.
Обитало когда-то в долине Днепра
Племя смелых и вольных черкасов.

Жил Богдан со своею большою семьёй
На излучье реки, в хуторочке.
Да вот так получилось, что доблестный вой
В несчастливой родился сорочке.

Турки ночью напали на их хуторок,
Запылали повсюду пожары,
И от смерти никто уберечься не мог,
Били всех, не щадя, янычары.

До последнего вздоха рубился Богдан,
Но победа досталась турку,
В плен двенадцать сынов его взял басурман
И красавицу Ганну, дочурку.

Всех братьёв полонённых и кроху-сестру
Воспитали согласно Исламу,
Чтобы выжечь навеки тоску по Днепру,
Чтоб забыли про батьку и маму.

Месит судьбы Господь, словно глину гончар.
Год за годом летел неустанно,
И пополнили братья ряды янычар,
И женою паши стала Ганна.

Словно знаки отличия, у янычар
(Ой, чудные адаты чужбины!)
Были головы выбриты гладко, как шар,
Лишь с макушек свисали чуприны.

II

А у братьев в отряде был старец один,
Лет под семьдесят, может поболее.
Удивлялись вокруг, как до этих годин
Он дожить умудрился в неволе?

И когда наступили последние дни,
Он, почувствовав смерти дыханье,
Тайну братьям поведал – откуда они,
Вызвал прошлого воспоминанья.

А ещё рассказал старый, мудрый Али
Путь-дорогу в днепровские степи.
Сам уйти не сумел, но чтоб хлопцы смогли
Разорвать басурманские цепи.

И однажды в ненастную, тёмную ночь,
Перебивши гаремную стражу,
Взяли братья сестру и направились прочь
Из туретчины. Видя пропажу,

Повелел разъярённый турецкий паша
Разыскать беглецов – и на плаху!
И помчались аскеры, исполнить спеша
Приказанье во славу Аллаху.

Долго ль, коротко турки напали на след,
Беглецам не уйти от погони.
Надо дальше бежать, только сил уже нет,
И в степи они, как на ладони.

Братьям Ганна сказала – Бегите одни,
Задержу я аскеров, поверьте.
Не посмеют худого мне сделать они,
Ну а вы ускользнёте от смерти. –

Так и сделали. Туркам солгала она,
Что забрали её против воли,
Что любимому мужу осталась верна
И что братья – не братья ей боле.

– Пусть расскажет, где этих злодеев найти?
А не выдаст – не будет ей веры!
По какому они убежали пути? –
В нетерпеньи кричали аскеры.

– Изловить лиходеев я рада помочь –
Предводителю молвила Ганна, –
Погоди, пусть на землю опустится ночь,
Поднимись на вершину кургана

И в степи, освещаемой яркой луной,
Ты увидишь, вещует мне сердце,
Там, где спят беглецы, ветерок озорной
Треплет русые их оселедцы. –

Месяц в небе ночном обнажил ятаган,
Высоко засияли Стожары,
Предводитель аскеров взошёл на курган,
Чтоб увидеть, где спят янычары.

– Что такое?! – Ага отшатнулся назад, –
Их же дюжина! Так не бывает! –
Ведь куда ни направит он пристальный взгляд,
Оселедцами ветер играет.

– Не иначе, беду подготовил Иблис,
Столько воинов! Явно – засада!
Нет, покуда зарёй небеса не зажглись,
Уходить нам отсюда надо!

Мы не сможем осилить такого врага,
Янычары дерутся, как волки! –
Так за хлопцев чуприны трусливый ага
Принял ночью ковыльи метёлки.

Той же ночью аскеры без шума ушли
Восвояси. Лишь бедная Ганна
С перерезанным горлом лежала в пыли.
Не простили ей турки обмана.

III

Ну, а братья назад посмотрели с утра –
А погони не видно, как странно!
Как же турок сдержать умудрилась сестра?
Что придумала хитрая Ганна?

И пошёл на разведку тогда младший брат,
Чтоб узнать поподробней, в чём дело.
Только вскоре вернулся он, губы дрожат,
На руках бездыханное тело.

Я вам честно скажу, мне неведомо как,
Может, ангелы им нашептали,
Может, голос руды или Божеский знак,
Только братья всю правду узнали.

Нет, касатики, это не сказка, а быль.
Вам брехать я не вижу причины.
Братья поняли всё и про светлый ковыль,
И про тёмную ночь, и чуприны.

И они поклялись у могилы сестры,
Что покуда в груди бьётся сердце,
Держат руки шаблюки и пики востры,
Не сбривать с головы оселедцы.

Алый шрам на сердцах лег от тех похорон,
Прочертив промеж братьев границу:
Половина решила податься на Дон,
Половина к Днепру воротиться.

Те, кто выбрали Дон, понимали, что им
В горле вражьем быть вострою костью.
Защищать надлежало братьям остальным
Земли предков, что спят на погосте.

Запах трав и широкий простор степовой
Вольным духом взорвали их разум.
Видно, так предначертано было судьбой,
Выбрав шлях свой, расстались... И сразу

Рассердился Господь, видя этот раскол,
Что мужи поступают по-бабьи.
И над братьями теми, кто к Дону пошёл,
Вдруг разверзлись небесные хляби.

Стали шестеро братьев в болотах тонуть,
Стали помощи кликать в испуге.
Божьи ангелы начали вверх их тянуть,
И чуприны рвались от натуги.

А коль волос порвать (вы видали, поди?),
Он курчавится, словно пружина,
Будто баба напутала на бигуди
И оставила после обжина.

Так-то с этих времён и пошли у донцов
Их чубы – короткие, кудреваты,
А чуприны днепрян, как у тех беглецов,
Что от турок сбежали когда-то.

Отношенья меж ними, порой, холодны,
Помнят ссору давнишнюю братья,
Но случись, не дай Бог, что-то вроде войны,
Будут биться единою ратью!

Всё, закончилась сказка, теперь на бочок.
И не спорить с дедуней, будь ласка!
Сладких снов тебе, внучка, и глазки, внучок,
Закрывай. Завтра новая сказка.

Чайка

(по мотивам казачьей легенды)

Ох, когда это было, да сколько веков
Миновало - упомню едва ли.
Знаю только, что турки держали Азов,
Да татары в Крыму царевали.

И частенько встречали тады казаки
На Придонье незваного гостя.
Пели острые стрелы, звенели клинки,
Да клевали курганники кости.

Казаки не спускали обиды врагам,
Наносили удар басурманам,
Приплывая на стругах к чужим берегам,
И домой возвращались с дуваном.

Дык, об чём это я разговор свой веду?
Ясаул со товарищи-друзи
Вышел в синее море, не чуя беду,
На проворном испытанном струге.

От ить, леший! Откель отсыревший табак?!
Внучек, серники деду подай-ка.
Я гитарю - до турок поплыл наш казак,
Ну, а дома жана-молодайка

Ждёт-пождёт-не дождётся желанного дня,
Чтобы любый вернулся с похода,
То и дело глядит из окна куреня
На донские бескрайние воды.

А о том и не знает, что на море вдруг
Казаков злая буря застала
И разбила о скалы прибрежные струг
Всею силой девятого вала.

И потопли донцы, окромя одного.
Догадалси? Ага, ясаула.

Отчего-то волна пощадила его
И на берег безлюдный свырнула.

Он очнулся, глядит, а вокруг ни души
И подмоги не жди ниоткуда.
Запечалился хлопец, придется - решил -
Пропадать вдалеке от Присуда.

А жана ясаула, прождав цельный год,
Хучь от мужа ни слуху, ни духу,
Отыскать его вздумала, но наперёд
Навестила старуху-присуху.

И ведунья сказала - Тебе не страшна
Путь-дороженька, зрю это ясно.
Приведёт, куды надо, морская волна,
Но из лодки ни шагу! Опасно!

На чужом берегу коль оставишь свой след,
Возликует нечистая сила. -
Поклонилась казачка старухе в ответ,
Села в чёлн, натянула ветрило.

Сколь плыла она дён, я не знаю, дружок.
Да оно и не важно к тому жа.
Только всё жа нашла тот пустой бережок
И на ём заприметила мужа.

Видит, он под кусточком лежит на траве,
Альбо сон подкосил бедолагу,
Альбо мёртв, но угроза свербит в голове,
Мол, из лодки не можно ни шагу.

Подплыла она ближе и громко кричит,
Но не слышит казак её зова.
Захолонуло сердце - неужто убит?
И забылось ведуньино слово.

Может, он только ранен, и помощь нужна? -
Подстегнула мысль, как нагайкой.
И на берег до мужа рванувшись, жана

Водночас претворилася чайкой.

С громким криком летала она в вышине,
Над судьбой своей жалобно плача.
И проснулся казак, видит - чёлн на волне,
Есть на свете казачья удача!

И поплыл он до дому, а чайка вокруг
Всю дорогу летает, кружится.
Невдомёк ясаулу, с чего это вдруг
Так печалится белая птица?

С этих пор много дён, много лет чередой
Унеслось по донскому теченью.
Только чайка и досить кричит над водой
И не может найти утешенья.

А ты слёзки-то вытри, негоже кричать.
Коль казак - так блюди себя! Кстати,
Впредь пулять из рогатки по чайкам не натъ.
Я надеюсь, ты понял, касатик?

Легенда об амазонках

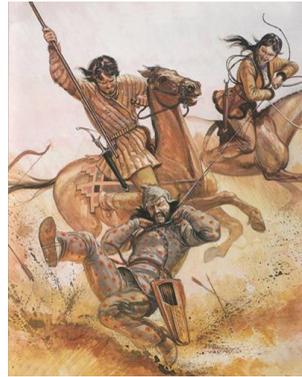
(по мотивам "Истории" Геродота)

Примеров, унучек, мы знаем полно
В истории Тихого Дона,
Когда с казаками дрались заодно
Их матери, сёстры и жёны.

Геройство их туркам познать довелось,
Черкесам и прочему люду.
Лупили и вместе, лупили и врозь,
Чтоб шляхи забыли к Присуду.

Откуда ж у бабы кураж боевой?
Не знаешь? От, то-то, кужонок!
Ить корень казачки наследуют свой,
Кубыть, от самих амазонок.

Послухай, дружок, в самой глубли времён,
Как пишет нам батька историй,
Рекой Танаисом был батюшка-Дон,
Меотским - Азовское море.

Хто "батька историй"? Ну, тот, Геродот.
Учёный. Жил в прошлые веки.
От, сбил меня, ирод, с рассказа! Дык вот,
О чём бишь я? Древние греки

В бою победили и взяли в полон
В какой-то не нашей сторонке
Одно из воинственных бабьих племён,
Что звали себя "амазонки".

Загнавши их в трюмы своих кораблей,
Поставив тугие ветрила,
Отправились в путь, к той далёкой земле,
Что их родила и вскормила.

Тут буря разыграла. Покуда мужи

Сражались, с волнами споря,
Те девы достали мечи да ножи,
И сбросили эллинов в море.

А шторм вслед за валом накатывал вал,
Стонали и лопались снасти,
Как править кормилом никто и не знал,
И вёсла ломались на части.

И парус поставить они не могли,
Отдавшись на волю планиды.
А ветер, как щепки, швырял корабли,
Пока не достиг Меотиды.

И вот в Танаис амазонки вошли,
Узрели зелёные бреги.
Причалили, твердь незнакомой земли
Вдохнула в них мысль о набеге.

Похитив у скифов табун лошадей,
Наладивши луки и стрелы,
Взялись за разбой среди местных людей.
А шо там? - Привычное дело!

А скифы не поняли сразу, откель
Свалилось несчастье такое?
Пошто и с каких неизвестных земель
Явились свирепые вои?

От так и гадали они до тех пор,
Покуда в одном поселении
Налётчикам дали достойный отпор,
Побили их трошки в сраженьи.

Почали доспехи с убитых сымать,
Ну, типа военной добычи.
Раздели их, глядь! Ох ты, ёшкина мать!
- Мы бились с бабами, нычит?!

И тут к атаманам помчались гонцы

С доносом, что скифам обиду
Чинили отнюдь не мужчины-бойцы,
А бабы, пригожие с виду.

И круг атаманов размыслил, что впредь
Для племени было бы кстати
Не бить амазонок, напротив, иметь
В союзниках девичьи рати.

И скифы послали своих сыновей,
Шоб те тольки миром да ладом
Вчерашних врагов превратили в друзей
И стали над бабьим отрядом.

Найти амазонок в бескрайней степи -
Сурьёзное дело, не шутка.
Шо ёрзаешь? Сбегай на двор, не терпи,
А я подымлю самокрутку.

Сколь хлопцы путляли, топча ковыли,
Об энтот отдельные речи.
Но лагерь воительниц всё жа нашли,
Разбили и свой недалече.

За каплею капля заметна едва,
Но камушек точит водица.
И мало-помалу, но лагеря два
Смогли меж собой подружиться.

Так колос весной подымается ввысь,
Коль осенью брошено семя,
Два лагеря вместе в единый слились,
Сложилось новое племя.

Мужья предложили вернуться домой,
Собраться и двинуться разом.
На энто супружницы все до одной
Ответили твёрдым отказом.

- Обычаи женщин из ваших племён

Нам чужды, - заметили жёны.
- У тех, кто с мечом был и с луком рождён,
Иные для жизни законы.

Шоб часть состояния вашу забрать,
Езжайте в родные селенья.
Потом возвращайтесь в лагерь опять,
Мы будем вас ждать с нетерпеньем. -

Послушались хлопцы, явив свою прыть,
Но жёны сказали - Негоже
Нам жить в этом месте, пора уходить. -
Вскричали мужья - Отчего же!?

- На скифской земле нам не любо. Мы ей
Чинили немалые беды,
И вас, как детей, увели из семей.
Давайте ускачем отседа.

Оставим страну, перейдём Танаис
На север помчим иль к востоку.
А тама начнём свою новую жизнь
В краю неизвестном, далёком. -

Коль бабы решили, их дурь не убить,
Настырное чёртово семя!
Сказали "идтить", нычит надоть идтить...
И степи покинуло племя.

Их жёны сражались мужчинам под стать,
Владели копьём и чеканом,
Могли на коне без устатку скакать
И всадника сбросить арканом.

Свистела и в цель попадала стрела,
И сыпались искры булата...
А девка идтить под венец не могла,
Пока не убьёт супостата.

А те племена, кто свой корень ведёт
От скифов, ушедших когда-то,

И их амазонок, писал Геродот,
Назвали потом савроматы.

А нут-ка таперя затылок чеши,
Задачку задам, отгадай-ка -
От, как их потомков зовут? Чуваши!
А ты и не ведал, всезнайка.

Ты шо, пострелёнок, жалаешь спросить?
Мотрю - засверкали глазёнки.
Как можно про корни казачек судить,
Коль с Дону ушли амазонки?

Не думай, шо деда спымал на брехне.
Видать, Геродот обсчитался -
Уйтить-то ушли, да вот верится мне,
Кубыть, кое-кто и остался.

Одолень-трава

(по мотивам казачьего сказа)

И
Набегался за день? Тады, коль не лень,
Ложись на бочок, слухай деда.
Я сказку скажу про траву-одолень,
А ты засыпай, непоседа.

Ох, было то дело в седые года,
Тому лет пятьсот иль поболе.
И степи донские шумели тогда
И звалися Дикое поле.

Не видно ни стёжки в густых ковылях,
Ни тропки, ни влево, ни вправо.
Лишь только Ногайский извилистый шлях
Ползёт сквозь высокие травы.

По этому шляху с восточных сторон
Свершали набеги порою
На Дикое поле, на батюшку-Дон
Лихие раскосые вои.

Встречали незваных гостей казаки
Могучею силою ратной
И гнали их дружно от Дона-реки
В ногайские степи обратно.

Но коли удара сдержать не могли,
То ворог, не ведая жалость,
Сметал городки и станицы с земли,
Рудую трава умывалась.

Побив казаков, стариков, малых чад,
Забрав полонянок с собою,
По шляху с дуваном в улусы, назад,
Вертались ногайцы с разбоя.

И шли молодые казачки в полон,

ОДОЛЕНЬ ТРАВА

Лицом почерневшие с горя,
Отвесив Придонью прощальный поклон,
К Хвалынскому дальнему морю.

От ран на ногах вся дорога в крови,
Обильно слезами полита.
Ты плачешь, касатик? Не нать, не реви.
Была и у девок защита.

II

А где ж та защита? А вот она где -
У нас, на Дону, кажным летом
В затонах, на тихой, стоячей воде,
Кувшинки цветут белым цветом.

Они распускаются в солнечный день,
А в ночь закрываются снова.
Им имя другое - трава-одолень.
Ты чуешь? Волшебное слово!

И вот, ближе к вечеру - слышишь, внучок? -
В тот час, когда форму бутона
Цветы принимали, из вод старичок
Являлся на берег затона.

С седой бороною, глаза - пара звёзд,
А скорость быстрее, чем у зайцев.
Он за ночь проходит до тысячи вёрст,
Ать-два, и уже у ногайцев.

То нищим прикинется, просит подать
Монету, искусный пройдоха,
То нукером славным, ногайская знать
Не видела в старце подвоха.

А то притворится вдруг важным гонцом
Из ставки великого хана,
Но чаще всего представлялся купцом,
Являя ярлык от кагана.

При этом не столько менял свой товар

На бархаты, камни и золото,
Как просто вельможам давал его в дар,
Не требуя щедрую плату.

А те и довольны, гляди - повезло!
Ить, выгодно, честное слово!
Купец им меняет донское седло
На миску вчерашнего плова.

А то, что он просит на пленных взглянуть,
Так нет для отказа причины.
Пушай его смотрит, не жалко ничуть,
Уважим желанье купчины.

III

Среди полонянок пройдёт старичок,
Всем скажет приветное слово
И каждой подарок подаст, пусячок -
По маковке сладкой медовой.

Уйдёт. Но под вечер, когда небосклон
Окрасится алым закатом,
С молитвой о землю ударится он
И лебедем станет крылатым.

Он в небо взовьётся и криком своим
Даст громкий сигнал, улетаю.
И все полонянки взлетят вслед за ним -
Лебедушек белая стая.

Ногайцы пытаются птиц изловить,
Пускают им стрелы вдогонку.
Да где там! Они улетели, кубыть,
Обратно, в родную сторонку.

Всю ночь лебединая стая в пути.
На утренней зорьке у Дона
Спустилась, совсем обессилев почти,
И села на глади затона.

Чуток отдохнули, напились всласть

Рассветной студёной водицы
И на берег вышли, уже не таясь,
Казачки, не белые птицы.

Назад оглянулись - найти лебедей,
Но следа не видно их даже...
Травы-одолени цветы на воде,
Как пух белоснежный лебяжий.

Запомни, внучок, казаку в чёрный день,
Уж если беда приключится,
На помощь придут и трава-одолень,
И Дон, и родная Землица.

Теперь засыпай, не то выну ремень
Да выпишу пару горячих.
И тут никакая трава-одолень,
Тебе не поможет, казаче.

Ермак и уж

(по мотивам казачьей легенды)

Так от же игрец, растудить тя в качель!
Положь его в реку обратно!
А хошь, расскажу те, кужонок, откель
У ужика жёлтые пятна?

Послухай, с тех пор пролетели века,
А сколько? Не помню цифири.
Да ты, чай, читал про поход Ермака,
И про покоренье Сибири?

И чьё сразу имя приходит на ум?
А ну-тка, скажи без утайки.
Ну, точно, прохвессор, конечно, Кучум!
Всё вспомнить сумел без нагайки.

В заглавный татарский кучумовский стан,
Повдоль Иртыша-землероя*,
Замыслил направить войска атаман
Весеннею ранней порою.

"Ермак" художник - есаул СКВ
А.П. Лях

Ой, дружно валили стволы казаки,
Так бают былинные сказы,
Кубыть для покора сибирской реки
Надёжные сделать баркасы.

Построили струги легки и быстры,
На зорьке ветрила багряны.
Уложены сабли, мечи, топоры...
Ждёт войско приказ атамана.

Выходит наутро на берег Ермак,
Качает баркасы низовка.
Вдруг видит, да что это? Так и растак!
Торчит из-под киля верёвка.

Схватил за верёвку, а тама - ужак.
Прикончить хотел было гада,

Уже размахнулся, вдруг слышит: - Казак,
Не бей меня оземь, не надо.

Тебе пригожуся я, слово даю,
Иначе лежать мне убиту.
Но ты обещаю, что ужачью семью
Возьмёшь под казачью защиту. -

- Уймись, непоседа, не трогай клюку!
Что дале? А дале побачим!
Так вот, обратился ужак к Ермаку
На гуторе чистом казачьем.

- Кучум сговорился с каганом мышей
На гадкое, подлое дело:
Хотят казаков утопить в Иртыше,
Не тратя ни войска, ни стрелы. -

Ермак подивился: - В уме ли ты, гад?
Что, мыши грозятся войною?!
Да я миллион растопчу их подряд,
Смеёшься, поди, надо мною? -

- Какие насмешки? В открытой борьбе
Побьёшь их несметное рати,
А в хитрости, в подлости, а в ворожбе?
Об этом подумал бы кстати.

Скажи, атаман, чтоб твои казаки
Проверили кажное днище.
Всю ночку работали мышьи полки
И дырок наделали тыщи.

Вы все бы утопли под буйной волной,
Когда бы не наше семейство.
Мы щели заткнули надёжно собой,
Проведав такое злодейство. -

Ермак не поверил: - Однако, дела!
Кому рассказать - обсмеются! -
Но глядь - из-под лодий ужачьи тела

Нагайками тёмными вьются.

- Вставайте, робяты! Не время дремать!
У нас ноне дел выше крыши.
Давай-ка по новой суда конопать,
Щелей понаделали мыши.

Спасибо ужу и евойной родне,
Хучь он и змеюка ползуча,
Но кабы не он, то сегодня на дне
Лежать бы нам все неминуче.

И вот, в благодарность я сделаю так:
От ядом наполненной сапы
Отныне ужа отличит и казак,
И даже дурные кацапы.

Да будут вот тут, где коснутся персты,
Два пятнышка желтого цвету!
По энтой отметке узнают братья,
Что яда и зла в тебе нету.

Обман супротивник умыслил. Шалишь!
Ужи оказали подмогу.
Теперь нам не страшен холодный Иртыш,
И к цели дойдём, слава Богу.

Садитесь на вёсла! Нам рано на дно,
Пора разобраться с Кучумом.
Мы подлого хана побьём заодно
С мышиным его односумом! -

С той давней поры и даны ужаку
На шею приметные пятна.
Пущай он и гад, но не враг казаку.
Тебе энто, хлопче, понятно?

Он меткой особой отличен от змей
Самим Ермаком-атаманом.
Ужа забижать, коли встренешь, не смей,
Не то угощу плетюганом.

*Название Иртыш - тюркоязычное.
Первая часть "Ир" в переводе на русский язык
означает "Земля", вторая "тыш" - "копать",
"сверлить", "рыть". Отсюда - Землерой.

Легенда о том, как Уруп-князь в грязи увяз

(по мотивам казачьей легенды)

Урюпинск откель называется так?
Не ведаешь? То-то жа, глупай.
Садись на колени к дедуне, казак,
Послухай про князя Урупа.

От помнишь, вчерась мы с тобой перед сном
Вопрос обсуждали сурьёзный,
Что царь на Руси был когда-то давно,
Иван по прозванию Грозный?

Однажды он двинул войска на восток,
Те стали под градом Казанью.
Да что ты гутаришь?! Ну как бы я мог
Быть воином в энтой кампаньи?!

Казанское ханство Иван покорил,
Повсюду пожары и трупы.
А хана с князьями в полон захватил.
Не взяли лишь только Урупа.

Тот тайной тропою смог ночью удрать
К брательнику, Крымскому хану,
Чтоб тама собрать себе новую рать,
И бой дать в отместку Ивану.

А Грозный от гнева стал красным с лица,
Вскричал: – Захотели на плаху?!
Немедля спымать и привести беглеца,
Коль дали с Урупкою маху.

Живым или мёртвым! Таков мой приказ.
Нарушить его – не дай Боже! –
Пошли воеводы с Ивановых глаз,
Засунувши в бороды рожи.

– Где вора искать? Затаился, кубыть. –
Гутарят они втихомолку.

– В бескрайней степи? Дык ить легше найтить
В соломенном стоге иголку.

Поруху Иван не простит нам, увы.
Надёжи на поиски хрупки.
Бяда, не сносить нам теперь головы
По милости князя Урупки. –

Прослышал про ихни печали казак
Из Чигиных славного рода,
Ермак Тимофеич, тот самый Ермак,
Решил пособить воеводам.

Он был атаманом лихих казаков,
Участвовал в штурме Казани.
С какой там Сибири? С донских берегов.
Историк! Одно наказанье...

И молвил Ермак воеводам: – Палач
Не страшен вам, дело улажу.
Чичас с казаками припустимся вскачь,
Отыщем мы вашу пропажу,

Доставим её Государю Руси. –
Бояре-то до смерти рады.
– Казаче, голубчик, ты тольки спаси!
Шо хошь попроси для награды.

Дадим тебе серебра-злата не счесть,
Коня и богатую справу.
- Не нать! Мне дороже казачая честь.
В награду я выберу славу. -

Вскочил атаман на свово жеребца,
И вот уже резвые кони
Отряд понесли по следам беглеца.
Тому не уйтить от погони.

Скакал три недели за князем Ермак
По долам, лесам и полянам,
Пока в ковылях не приметил бивак.

Пришёл карачун басурманам.

Средь чёрных палаток Уруповых слуг
Походный шатёр белоснежный.
Там князь, позабыв про недавний испуг,
Храпел на кошме безмятежно.

Татары поделать ничё не смогли,
Застыв в изумлении диком,
Когда неожиданно сквозь ковыли
С разбойничим свистом и с гиком

На них устремился отряд казаков.
И вскоре Урупкина свита
Ударами сабель, чеканов, подков
Была уже вся перебита.

Лишь князю тады удалось ускакать
Подале от места сраженья.
Заметил то дело Ермак и опять
Урупу стал резвою тенью.

От, скачет Уруп, погоняет коня,
Камчой его шкуру чекрыжа,
Назад оглянётся, урусов кляня...
А Чигин всё ближа и ближа.

Торопится князь, у коня на боках
Кровавая липкая жижа,
Но слышится топ дончака казака
Всё ближа и ближа, и ближа.

Спужался Урупка, поводья сронил.
Почуяв нежданно свободу,
Скакун яво рыжий помчал что есть сил,
В болотную топь прыгнул с ходу.

В грязюке вонючей по шею увяз,
Не выйти, потребна подмога.
К врагу обратился в отчаяньи князь:
– Спаси ты меня, ради Бога! –

Достал басурмана тады атаман,
Не дал яму сгинуть под тванью.
В столицу доставил, где правил Иван,
Согласно своему обещанью.

Он выполнил Грозного строгий наказ,
Привёз беглеца на расправу
И всех воевод от немилости спас,
И честь заработал и славу.

А гиблое место хопёрских болот,
Где булькали чёрные грязи,
Урупом прозвал языкастый народ,
По имени беглого князя.

Трясина усохла с годами потом,
Уходит вода из колодца.
Станица возникла на месте на том,
Урюпинской ноне зовётся.

От, коли в Урюпинск до дядьки твоего
Поедетя будущим летом,
То сможешь похвастать, шо кое-чаво
Ты знаешь о городе этом.

Гербовый жеребей

(по мотивам казачьей легенды)

– Ну шо, куженята, хотите ещё?
Тады подвигайтесь поближе,
Послушайте, как Емельян Пугачёв
Захватывал крепость Камышин.
Такая преграда в пути – не пустяк,
Мешает идтить, как на гузне чиряк.

А тута бяда – крепостной гарнизон
О рейде Емелиной рати
Был загодя кем-то, кубыть, упреждён,
А энто для штурма некстати.
И как ить прознали (хватило ж ума!),
Шо боезапасов у войска нема?

Пришёл Пугачёв, а оне начеку,
Заряжены ружжа и пушки.
Куды же суваться таперь казаку?
Тут пики и сабли – игрушки.
Хучь с крепости дражнятся ахвицерА,
Дык, с саблей не выйдешь напротив ядра.

А те изгаляются – Эй, голытьба!
Нужна ли свинцовая каша?
Чегой-то не слышна сегодня пальба? –
А следом и местная стража
В угоду начальникам-ахвицерАм
Сымает порты, шоб показывать срам.

И шо тут робыть? Коль в атаку побечь,
Достичь не получится вала.
В зародыше штурм остановит картечь,
И вновь начинай всё сначала.
Мовчат пугачёвцы, досада берёт,
Да только идтить невозможно вперёд.

Сие непотребство сурово смотря,
Иваныч покликкал Ивашку

Творогова, главного их пушкаря, –
Ты шо жа,хвати тя кондрашка!
Пошто не потешишь хвастливых господ?
Пошто не закроешь их пакостный рот?

Гляжу я, Ивашка, твои пушкари
Гуляют чегой-то без дела.
Мотри у меня, я ить на раз-два-три
Башку отделяю от тела.
Давай-ка картечью стволы заряжай,
Да тех, гологузных, слегка попужай. –

Ивашка ответил – Дык, ежли б могли,
Умыли б давно супостатов.
Вот только заряды мы все извели,
Когда штурмовали Саратов.
Чугунные ядра, картечь, жеребей
Оставили там, атаман, хучь убей! –

В раздумье нахмурил чело Емельян –
Расклад по всему нехороший,
Но взяли в Саратове крупный дуван,
Подводы каменьев и грошей.
А ну-ка, Ивашка, немедля ответь,
В обозе у войска имеется медь? –

– В Саратове взяли немало добра
(Иван гордо выпрямил плечи),
Возов десять меди, один серебра,
Да где на них купишь картечи?
Богата казна, только в энтой глуши
Заместо товара предложат шиши. –

Тут батька прикрикнул – А ну, не юли,
Ить мы рождены казаками!
Давай, заряжай, да из пушек пали
Целковыми и пятаками.
Коль грошей богато, чего их беречь?
Они – жеребей, и они жа – картечь!

– Дык, жалко! Оставь хучь бы воз, атаман! –

Пушкарь попросил Емельяна.
– Сполняй приказанье! И помни, Иван,
Мы бьёмся не ради дувана.
Повёл за собою в поход я народ
Дворян изничтожить и прочих господ. –

Начнёшь обсуждать атаманский приказ –
Не кончится энто комедью.
И пушки почали плеваться зараз
По крепости гербовой медью.
И только в атаку пошли казачки,
Как крепость сдалася. Вот так-то, внучки.

Связал ахвицеров своих гарнизон,
Ишо коменданта до кучи.
– Нам верную смерть принимать не резон,
Сдадимся на милости лучше.
Ить мы жа не черти и нам не с руки
Калёные тута считать пятаки. –

Решил атаман никого не казнить,
Велел разобраться по-свойски:
Уходят пущай те, хто хочет уйтить,
Хто хочет – останется в войске.
Шёл батька стеной за народ за простой...
За то и расстался потом с головой.

Э, нет, хитрованы, ваш номер нейдёт!
Отложим до иншого раза.
Готовы сидеть тута ночь напролёт
И дедовы слухать рассказы.
На баз "по делам" и стрелюю в курень,
Покель ваш батяня не вынул ремень!

Почему на осине лист дрожит?

(по мотивам казачьей легенды)

Куды ты побёг-то? Назад повертай!
На кой тебе та хворостина?
А, верхи поскачешь? Ну ладноть, давай.
А што за порода? Осина!

Про дерево энто поверишь, аль нет –
Имеется много преданий.
Ага, антиресно? Открою секрет,
Скачи тады рядом с деданей.

На белой осине лист мелко дрожит,
Как цуцик при виде сугроба,
Всегда – и при ветре, и в полной тиши.
А ты, чай не знаешь, с чиво ба?

Случилося энто как раз опосля,
Когда казаки-супостаты
Польстились на звоны царёва рубля
И выдали батьку Кондрата.

Ты думал, кужонок, казачьих врагов
Немае на землях Присуда?
Ан видишь, за сотню целковых всего
Булавина сдали иуды.

Тёр да ёр,
Да жила Епишка,
Вор Егор,
Да прижимистый Тришка,
И Стёпка-резак,
Низовский казак.

До денег робятушки были жадны,
На всякие подлости падки.
За медный пятак из царёвой казны
Заложат родню без оглядки.

И энти иуды линьками вились
В Черкасске вокруг атамана.
И так, день за днём, всю Кондратову жизнь
Сдавали врагам неустанно.

Булавин был честен, душою открыт,
Не верил в казачью пену.
А нужно бы ночью и днём сторожить,
Душить в колыбели измену.

И ночьюю тёмной, деды говорят,
Охрана дремала покуда,
В Черкасск провели воевод и солдат
Вот энти казачьи иуды:

Тёр да ёр,
Да жила Епишка,
Вор Егор,
Да прижимистый Тришка,
И Стёпка-резак,
Низовский казак.

Тады перебили усех казаков,
Кто верен был батьке Кондрату,
И плотным кольцом окружили ево
Жилище петровы солдаты.

Уж больно хотели живым взять в полон
Кондрата, как подлого вора.
Да где было знать воеводам, что он
Не снёс бы такого позора.

И поняв, что выхода более нет,
Полон ожидает иначе,
Булавин турецкий достал пистолет
И выстрелил в сердце казачье.

И сразу, о смерти Кондрата узнав,
За мздою пришли к воеводам
Все те, кто адаты казачьи поправ,
Позором стал нашего рода:

Тёр да ёр,
Да жила Епишка,
Вор Егор,
Да прижимистый Тришка,
И Стёпка-резак,
Низовский казак.

Покуда был жив да здоров атаман,
Сулили – за жизнь Кондрата
Участнику каждому должен быть дан
Бочонок червонного злата.

А помер Кондрат, дык царёва добра
Добыть не сумели злодеи.
Им дали на всех сто рублёв серебра,
А после погнали взашеи.

Сложили предатели гроши в казан,
Решили зарыть в виде клада.
Поймут казаки, как погиб атаман –
Иудам не будет пощады.

Под белой осиною деньгу схоронить
Придумали бисовы дети.
И днём её видно, и ночью, кубыть,
Отметку нельзя не заметить.

Зарыли они свой предательский клад,
В Черкасск возвращаются тихо.
Ан тут им навстречу казачий отряд,
Прознавший про ихнее лихо.

Полста казаков супротив четверых –
Бессмысленны крики, да вопли.
В кули повязали, да в реку бултых!
Предатели все и утопли:

Тёр да ёр,
Да жила Епишка,
Вор Егор,

Да прижимистый Тришка,
И Стёпка-резак,
Низовский казак.

И хто его знает, где клад их зарыт?
Неведомо, как говорится.
На вечные годы теперя лежит
Под белой осиною в землице.

И досить гутарит людская молва,
Что в память о жизни Кондрата
С тех пор на осине трепещет листва
Как вежа злодейской уплаты.

Такие, унучек, у нас калачи.
Поймёшь всё, што нать, ты смышлёный.
Ну, ладноть, давай, по дорожке скачи,
Поведаю завтра про клёны.

Кот али Кат?

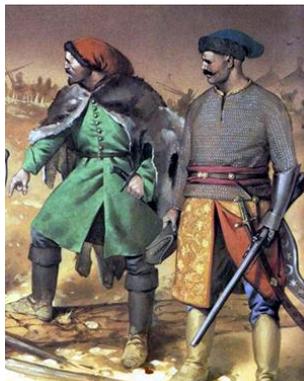
(по мотивам казачьих сказаний)

Не надо, унучек, трепать языком.
Не знаешь – спроси у дедани.
Не мог быть Котовский лихим казаком,
Поскольку он был молдаванин*.

Да мало ль, што брешут твои друзяки!
Ты ухи развешивай боле.
Они дажедь Путина к нам в казаки
Запишут, коль дать трошки воли.

Название станицы увидел, кубыть,
Смикитил своё, торопыга.
Да только ни цепь, ни верёвка, ни нить
Не свяжут Хопёр и комбрига.

Ты в байку любую поверить готов.
А знаешь, кужонок, што ране
Водилась в том займище уйма котов?
Оттеля пришло и название.

Не веришь? От то-то! Обиделся, чай?
Смахни-ка слезинку с ресницы.
Поближе на лавку седай, не серчай.
Я правду скажу о станице.

Ну, слухай. Название маненько не так
Писалось в давние годы.
По слову царёву свезли в те места
Из разных сторон воеводы

Мучителей-катов, зверюг-резаков.
Зачем? Не для добрых занятий.
Для пыток и казней простых казаков,
А вовсе не воров и татей.

Войсками подавлен был бунт на Хопре,
И взялись за нашего брата.

Когда энто было? Как раз при Петре,
Восстание батьки Кондрата.

Работы для катов там было полно,
Пришлось палачам потрудиться.
Пытали, рубили, пускали на дно,
Лилася кровя, как водица.

И всё продолжалось, соколик ты мой,
Без малого цельных два года.
Семь тыщ казаков обрели упокой
В хопёрских стремительных водах.

Хучь вейся верёвка – конец настаёт,
И вот уж почуяли каты:
Мятежников нет, и для них нет работ,
А значит не будет и платы.

Ить ране с замученной каждой души
Они от царёва вельможи
Всегда получали исправно гроши.
Пущай небольшие, но всё же.

А ноне расклад-то совсем не таков,
Не купишь ни хлеба, ни сала.
Ить денег нема, коль не рвёшь казаков,
А брюхо снедать не устало.

Пришли к воеводам тады резакИ
И слёзно заплакали каты:
– Вернуться нам дайте от энтой реки,
Отправьте обратно до хаты.

Работы нема, так и денег нема.
Вон, мается сколько народу.
Нихто ить не хочет кормить задарма.
Отправьте домой, воеводы! –

А те посчитали, во сколько казне
Аукнутся энти затраты:
Провоз, да прокорм и решили: – Ан нет!

На месте останутся каты.

Пущай позабудут своё ремесло,
Освоят помалу землицу,
Поставят со временем тут село,
А лучше казачью станицу.

Вот так-то и сели тады резаки
Станицей, и люди вначале,
Прознав, што за новые там казаки,
Катовской ея величали.

В округе гутарили, коли казак
Приписан к станице Катовской,
Сие означает – он тать и варнак,
И род его дюже хреновский.

Потом постепенно лихие дела
Станичников первого круга
Степная метель навсегда замела,
Засыпала снежная вьюга.

За годом вослед устремляется год,
И катится лет колесница.
Со временем "Кат" заменилось на "Кот"
В названии энтой станицы.

Сто лет миновало, и вот уже там
Во славу казачьего рода
Котовцы поставили каменный храм,
Вернувшись домой из похода.

Ишо сотня лет пронеслась над Хопром,
Исчезла вдали без возврата.
И храм, возведённый народным добром**,
Разрушили новые каты.

Век нонешний, третий помчался в намёт,
И финиша близится лента.
Теперя не ведаю: "Кат" али "Кот"
Уместней в названии энтом.

Давай, соколёнок, взрослей поскорей
И помни о главной задаче,
Штоб не было катов в станице твоей,
Штоб род не пресёкся казачий.

*Рассказчик немного ошибся. Григорий Иванович Котовский – советский военный и политический деятель, легендарный комбриг Гражданской войны родился в селе Ганчешты (ныне город Хынчешты в Молдавии). Отец Котовского был обрусевшим православным поляком, мать – русской.

**Казачи станицы Котовской, прославившиеся под руководством героя Бородина Грекова-Первого, вернувшись домой с войны, вспомнили былой неписанный закон предков, как по справедливости "дуванить" военную добычу. По этому закону, десятая часть всего взятого на шашку отдавалась церкви. Сколько котовцев ходило по заграницам, и сколько добра каждый вернувшийся привез во вьюке своего второго коня, сказать трудно, но первым капиталом для начала строительства каменной церкви послужила именно боевая "десятина". Вернувшиеся благодарили Бога за дарованную им удачу и сохраненную жизнь.

Шайтан Боклю

(по мотивам "Казачьих сказок" Бориса Алмазова)

I

Ну-тка – ну-тка покажи,
Как владеешь шашкой.
Руку правильно держи
И руби с оттяжкой.

Налетай, как ураган,
Ввязывайся в сечу.
Вишь, подсолнуха колган
Отлетел далече,

Покатился за амбар
До навозных кучек?
Прям, баклановский удар.
Молодец, унучек!

Што, вопрос есть до меня?
Да хучь дажа двадцать!
У куточек ставь коня,
Будем разбираться.

О Бакланове узнать
Хошь чуток поболе?
В двух словах не передать,
Сядь поближа, што ли...

Расскажу чиво смогу
О явойной жизни,
Чем он грозен был врагу,
Как служил отчизне.

Горцам Яков был не люб,
Как бельмо на глазе.
И не зря "шайтан Боклю"
Звался на Кавказе.

II

В той войне-то попервам
Брали верх абреки,
И стекали по горам
Русской крови реки.

Вот и царь издал указ,
Шоб явились быстро,
Без задержки, сей жа час
Все яво министры.

Генералов пригласил,
Равно атаманов.
Среди них тада и был
Наш донец Бакланов.

Хучь и молод был ишо
Атаман казачий,
Но известен хорошо
Воинской удачей.

Государь достал рубин
Красный, аграменный.
В мире был такой один
Шибко драгоценный.

Молот с кузни притянул,
От таку махину!
Говорит министрам: – Ну,
Бейте по рубину. –

А министры: – Не-не-не!
Та не дай нам Боже!
Мы такой урон казне
Нанести не можем. –

К генералам государь
Обращает очи: –
Хто найдется смелый – вдарь!
Али все не очень? –

Да жалающих-то нет,

Стихли разговоры,
Взгляды шшупают паркет,
Потолок, да шторы.

Лишь фельдмаршал, старый дед,
Дёрнув бакенбарды,
Молвил: – Лучше самоцвет
Заложить в ланбарды,

Аль продать ево к хренам
В дорогую лавку,
Ахвицерам и чинам
Выправить прибавку. –

Царь кивнул, прищурил глаз,
Улыбнулся странно
И спросил: – А што чичас
Скажут атаманы?

Ну, робяты-казачки,
Вы моя надёжа.
Доказать, што смельчаки
Есть в России всё жа. –

Яков выслушал царя,
Вышел в середину,
Лишних слов не говоря,
Жахнул по рубину.

Разлетелся камень в прах,
В мелкую осколку.
Энти – "ох!", другие – "ах!",
Тольки всё без толку.

Казака пытается царь:
– Отвечай мне прямо,
Неужель тебе не жаль
Камушек ни грамма?

Ить нанёс урон казне,
И не страшно, паря?

– Одного лишь жалко мне,
Энто государя,

У кого во дни войны
Свита бесшабашна,
Ей приказ главы страны
Нарушать не страшно.

– Твой ответ не в бровь, а в глаз
Угодил, не скрою.
Отправляйся на Кавказ,
Там нужны герои.

III

На Кавказ приехал он
И почал с разгона
Казакам вставляя пистон,
Тем, хто были с Дона.

– Ах вы, сукины братья,
Рази ж так дерутся?
Ить глядят на вас деды
И с небес плюются.

Басурмане вам дают
Жару то и дело.
Вы позорите Присуд
И Россию в целом. –

Есаулы тупят взгляд,
Отвернули рожки.
– Мало войска, – говорят, –
Кони плохи тоже.

Не получится самим
Сладить с басурманом.
– От, давайте поглядим, –
Отвечал Бакланов.

И у Терека-реки
К смотрю атамана

Кзаков свели полки
Летним утром рано.

Платья синего сукна,
Кони – для парада.
И не скажешь, што война
Ходит где-то рядом.

Всё Бакланов осмотрел,
Взял на ум заметки
И бойцам раздать велел
По златой монетке.

– Што, хорош ли ваш дуван?
Вы довольны мною?
– Да, премного, атаман! –
Закричали вои.

– Кто со мной теперь пойдёт
В бой под вражьи пули,
Делай два шага вперёд! –
Разом все шагнули.

– Ну а зараз хто со мной
Хочет бить абрека,
Пусть кидает золотой
Прямо в буйну реку. –

Разделились казаки
Ровно вполовину.
Хто сжал деньги в кулаки,
Хто швырнул в пучину.

Тех, хто гроши не кидал,
Вместе с есаулом
Тут жа Яков отослал
В лагерь караулом.

Снова крикнул командир:
– Кто со мной готовый,
Рви безжалостно мундир,

Не гляди, что новый! –

И опять: одни стоят,
Словно в раздевалке.
Половине ж в аккурат
Рвать мундиры жалко.

Те отряды казарлы,
Хто не тронул sprawy,
Атаман послал в тылы,
В дальние заставы.

– Братцы, слушайте меня!
Тех на вражьи рати
Поведу, хто от коня,
Купленного батей,

Враз избавиться смогёт.
Тута выбирай-ка:
Хто-то в голову пальнёт,
Хто пожгёт нагайкой. –

Вновь раскол меж казаков,
Рвутся братни цепи:
Те жалеют дончаков,
Энти гонят в степи.

Хто без денег, без коней
И в портах исподних,
Собралися в стороне –
Лишь четыре сотни.

IV

А Бакланов тут как тут:
– Будет вам одёжа.
Всем черкески раздадут,
То – вторая кожа.

Тольки вы прошли за мной,
Через все барьеры.
Вам за то поклон земной,

Не теряйте веры.

И не стоит горевать,
Што пропало злато.
Казаку того не нать,
Он другим богатый.

Синий ваш мундир с шитьём
Скверен для сраженья.
Кажный был для горцев в ём
Славною мишенью.

О лошадках строевых
Плакать не пристало.
Толку здесь, в горах, от них
Было б очень мало.

Что сполняете приказ
Быстро, без оглядки,
Может каждому не раз
Жизнь спасти, робятки.

Здесь не степи, здесь Кавказ,
Здесь другие вои.
И сумление для нас
Гибельно порою.

Мало нас? Считай не так,
Не на человекoв.
Стоит здесь один казак
Тысячу абреков. –

Знамя чёрное достал
С головой Адама
И пошёл крушить войска
Шамяля-имама.

Как в сухой траве огонь
Шли под флагом чёрным
Чудо-воин, чудо-конь,
Да с полком отборным.

Ох, боялися полка
Горцы пуще смерти,
Мол у них наворачива
Не бойцы, а черти.

А с шайтаном нету нам
Никакого сладу.
Даже сам Шамиль-имам
Говорил с досадой:

– Каб Аллаха мой народ
Так боялся рьяно,
Как страшится, что придёт
Полк Боклю-шайтана,

То никто бы не грешил,
Чтили бы адаты.
Все бы были хороши,
Все бы были святы. –

V

Ноне хватит. Ты поглядь –
Месяц выплыл в небо.
Я устал уже брехать,
Отдохнуть мне треба.

Што, опять собрался в бой?
Положи-тка палку,
Мы жа думали с тобой
Завтра на рыбалку.

В хату геть и на бочок,
Разбужу поране.
Про подсолнухи молчок
Мамке и бабане.

Батька Булат

(по мотивам сказки Евгения Александрова)

I

Эй, хлопцы, потише, кому говорят!
Послушайте сказ про казачий адат.

А знаете ль вы, соколята мои,
Что здесь, на Кубани, веками
Звенели-гремели когда-то бои
Меж турками и казаками?

Но вот, пыл сражений на время затих,
И выпал для воев большой передых.

Чтоб турок готовить на новый удар,
Решил ихний бей Мухаммедка
Лазутчика лучшего из янычар
Секретно отправить в разведку.

Пусть вызнает, много ли у казаков
Орудий и ружей, и вострых клинков?

Как жаба лазутчик сидит в камышах,
Лишь бульки тарасит из жижи.
- Веди меня дальше, – он молит – Аллах,
К пикетам казачьим поближе.

А там недалече шумна и шустра
Резвилась, мыряла в реке детвора.

И хлопчик Ивашка, лет десять, мабуть,
Хучь плавать умел, как таранька,
За щось зачепився и начал тонуть,
Кричать стал о помощи Ванька.

Но дети боялись попасть в коловерть,
А взрослых нема... И залыбилась Смерть.

Не выдержал турок, из чакана – скок!

И в реку мальцу на подмогу.
С трудом, но сумел из воды на песок
Парнишку достать, слава Богу!

Очнулся, открыл свои очи Иван
И видит – склонился над ним басурман.

На выбритом лбу багровеет рубец,
Безусо лицо, безбородо.
Но турка ничуть не спужался малец,
Не зря же казачьего рода.

– За то, что помог мне, храни тя Христос! –
Спасителю тихо Иван произнёс.

Вдруг рядом послышалось ржанье коней,
Казачий разъезд на подходе.
Лазутчик растаял среди куширей,
И не было будто бы вроде.

II

А время бежало, Иван подрастал
И смелым, и мудрым воителем стал.

За стойкость и силу его, говорят,
Любили в народе Ивана
И дали прозвание батька Булат,
Доверили пост атамана.

Немало деяний на счёте бойцов,
"Булатных" лихих кубанцов-молодцов.

И раз после сечи построили в ряд
Пленённых в бою басурманов.
Пущай ихни судьбы решает Булат,
Да сбудется суд атаманов!

Глядит атаман: Мухаммедки бойцы –
Мундиры да фески, почти близнецы.

Но вдруг задержался Булатовый взгляд

На шраме на лбу у вражины.
Увидел того, кто лет двадцать назад
Извлечь его смог из стремнины.

А турок узнать не сумел бы сейчас
Того казака, кому жизнь он спас.

Булат приказал тех, кто сдался в полон,
Кормить и поить получшее.
А с турком со шрамом последовал он
В передние, нычит, траншеи.

Взобрались они на высокий курган,
Тогда и открылся Булат-атаман.

Вон, вишь за курганом кострища горят?
Вертайся, дарю тебе волю.
Один уговор лишь – по новой опять
Попасться не вздумай нам боле.

От речи такой басурман онемел.
Он думал, что батька ведёт на расстрел.

– Урус, объясни мне, зачем? Почему?
Откуда подобная милость?!
Аллахом клянусь, я никак не пойму,
Да что ж это вдруг приключилось?!

– Дык, помнят и досить у нас казаки,
Как спас ты мальчонку из бурной реки.

И турок тады осознал, наконец
(Не мог и представить он ране),
Судьбой его властвует тот же малец,
Чью жизнь он спас на Кубани.

– Запомни, неверный, продолжил Булат, –
Есть старый казачий кубанский адат.

Забудет казак причинённое зло,
Пристанища нет укоризне.

Но тем, кто поможет, считай, повезло –
Деяния славят по жизни.

И вам, соколята, усвоить пора –
Казак никогда не забудет добра.

Легенда о казаке

(по мотивам одноимённой легенды)

Во степи Придонья,
У Святой реки
Съехались на конях
Братья казаки.
Не на бранном поле
Бить чужую рать,
А напиться воли,
Удаль показать.

Прибыл на потеху
Молодой казак,
А откель приехал,
Не узнать никак.
С виду – хлопец гарный,
Жеребец – огонь,
Ну а силы в парне –
Ну-ка, пробуй, тронь!

Верьте, чи не верьте,
Этот славный вой
Бился так, что черти
Поднимали вой.
В бой вступал без страха,
А потом в лесу
Плакал и папахой
Утирал слезу.

"Голова молодого казака" худ. В. Суриков

Казаки вначале,
Видя этот грех,
Парня задирали –
Шуточки да смех...
Но узнали часом,
Что случилось с ним,
И единогласно
Приняли своим.

Выпало родиться

Хлопцу в хуторке
Около границы
На Десне-реке.
А маманю с батей
Без какой вины,
Лишь забавы ради,
Извели паны.

И остался мальчик
Круглым сиротой.
Был взращён с казачьей
Строгой прямотой.
Отошёл от горя,
Все ж таки – малец.
Был смышлён, проворен,
Как его отец.

Над его судьбою
Чёрный выпал рок.
Ляхи вновь с разбоем
Взяли хуторок.
От руды да сажи
Снег был чёрно-ал,
Соколом тогда же
Соколёнок стал.

Силам у Данилы
Не видать конца,
Вражеским громилам
Не настичь мальчика.
Вроде малолетка,
Что с мальчонки взять?
Но заветы предков
Выучил, как нать.

Воевода Збышко,
Видя этот бой,
Повелел парнишку
Захватить с собой.
Обучил, как нужно
Ездить на коне,

Как владеть оружием,
Побеждать в войне.

Пленник воеводы
Вырос, стал юнак,
Только память рода
Не стереть никак.
Ночкою туманной
Учинил резню,
Обезглавил пана
И его родню.

Головы подвесил
На заборе он
И, минуя веси,
Ускакал на Дон.
Чтоб найти собратьев
На Святом Дону,
Чтоб единой ратью
Защищать страну.

Рассказал на круге
Про судьбу свою,
И парнишку други
Приняли в семью.
Уважали воя
За казачий нрав.
Волен был душою
И рассудком здрав.

Ой, судьбы зигзаги
Крутят удила,
На поляцкий лагерь
Вышла казарла.
В ход пошли резервы,
Кровь текла рекой,
И Данилка первый
Рвался в смертный бой.

Клади жизнь за волю,
А не за рубли,

Но мальчонку в поле
Не уберегли.
Была кровь криницей
Из казачьих жил,
Но своих убийцев
Всё ж он погубил.

Поминали долго
После казака,
Сокола младого,
Как сынка полка.
Били, что есть силы,
Ворога бойцы,
За своего Данилу
Мстящие донцы.

Годы неустанно
Мчатся без конца,
Но в казачьем стане
Не забыть юнца.
Будто бы с отрядом,
Смертью смерть поправ,
Снова едет рядом
Данька жив и здоров.

И когда бесстрашно
Лава шла в намет,
Гик его отставших
Подгонял вперед,
Бил врагов Присуда,
Словно ураган.
Но не верил в чудо
Батька-атаман.

Как-то к дивной речке
Выехал отряд,
Славное местечко,
Травный аромат.
Над водою тихо
Плачет краснотал.
Ой, засады лихо

Кто бы ожидал?!

Выскочили ляхи –
Сабли наголо.
Рубят от папахи
Ажно по седло.
Вдруг из выси камнем
Сокол прилетел,
Вот тогда-то парня
Атаман узрел.

– Батюшки! Да это
Данька! Посмотри!
Словно ясным светом
Светит изнутри. –
– К вам пришла сподмога! –
Слышен звонкий глас
– В бой, ребята, с Богом!
Я иду за вас!

Крепче дружбы, верьте,
Нету ничего!
Мы и после смерти
Все за одного!
На поганных ляхов
Вскинем ввысь клинки
И вперёд без страха,
Братья казаки! –

Руки не ослабли,
Глаз ещё востёр,
В сечу рвутся сабли,
А в душе – костёр.
Раненые тоже,
Кто стоять могли,
В бой во славу Божью
Поднялись с земли.

Двинули громадой,
Чтобы вражья гнусь
Вникла, что не надо

Приходить на Русь.
Били в хвост и в гриву
Шляхетскую рать,
Не давали живу
Никому удрать.

После этой битвы,
Баю старики,
Новую молитву
Стали казаки
Перед боем кажным
Небу возносить,
А потом отважно
Супостата бить.

А чего бояться,
Братья во Христе?
Наш Данилка-братец
Там, на высоте,
Сверху зорким взглядом
На Присуд глядит,
Казакам, коль надо,
В битве подсобит.

Легенда о красавице-казачке

(по мотивам легенды Старой линии о красавице-казачке, бывшей сначала женой казака, а потом его кунака-горца, одинаково любивших её)

Жену кунака умыкнул Исмаил,
Покуда Демьян в лагеря уходил.
Нарушивший клятву черкесскую пёс
Казачку-красавицу в горы увёз.

Демьян воротился, очами сверкнул,
А вскоре набег совершил на аул.
Лишь конь был в ту ночку с лихим казаком,
Да следом ещё увязался Серко.

Супругу из плена Демьян возвратил,
И вместе покинули горный аул.
Помчались домой, но в конце-то концов
Черкес у Кубани настиг беглецов.

Тут начался бой между ними, вот-вот
И горец свирепый победу возьмёт.
Казак обратился к законной жене –
Хучь трошки помочь не могла бы ты мне?

А та повела только белым плечом,
Сказала спокойно – Дык, я ни при чём.
Остаться должен победитель один,
Вот он-то и будет в семье господин. –

И смерть бы Демьяну, да верность Серка
Спасла, слава Господу, жизнь казака.
Вцепился клыками черкесу в кадык,
И горцу настал карачун и кирдык.

Казак и казачка примчались домой
И пир закатили, да Боже ж ты мой!
Вернулась жена, в честь неё торжества
В том хуторе длились не день, и не два.

И в самый разгар тех гостей, кто не пьян,
Кубыть невзначай вопрошает Демьян –
Мол, как поступать с той неверной женой,
Что к мужу в беде повернулась спиной,

Что напрочь забыла про верность и честь,
Что горца могла казаку предпочесть?
– Убить её, курву! – был общий ответ.
И в жёнку Демьян разрядил пистолет.

Почему казакам разрешено приходить в церковь при шашке?

(по мотивам сказки-легенды)

Были, братцы, времена
Далеко-далече,
Богу стала вдруг нужна
Помощь человечья.

И случилось то навродь
По весне, в апреле.
Звал крестьянина Господь
Пособить при деле.

А мужик, прищуриив глаз,
Так ответил Богу:
- Не могу иттить чичас
Дел на поле много.

Как посею свой овёс,
Кину хлеб в землицу,
Вот тады другой вопрос.
Жди через седмицу.

Загрустил Господь слегка,
Посуровел где-то.
Он ить ждал от мужика
Иншого ответа.

- Футы-нуты, важный гусь!
Что ему Всевышний?!
Ну, дык, ладноть, обойдусь!
Будет повод лишний

Посмотреть на свежий глаз
На людскую веру.
Вон к боярину сейчас
Обращусь, к примеру.

У него ж холопских душ,
Почитай, без счёта.
Даст мне этот славный муж
Толику почёта?

И в боярской слободе
Зов раздался Бога,
Дескать, Господи в беде,
И нужна подмога.

Помолясь не торопясь
Около киота,
Управляющий и князь
Взялись за расчёты.

И боярин свой отказ
Выдал осторожно,
Дескать, помощь дать сейчас
Ну никак не можно.

Мол, и рад бы был помочь,
Да полно работы,
Люди пашут день и ночь
До седьмого пота.

На Алёну сеять лён,
Да ячмень, да гречу.
Погоди хоть тридцать дён -
Может, станет легче.

Через месяц-полтора
Обращайся снова,
И помочь я буду рад -
Княжеское слово!

А пока наоборот,
Будет всем неплохо,
Если Боже подмогнёт
С высевом гороха.

На челе у Бога враз

Желваки взыграли.
Рай увидишь, светлый князь,
Ты теперь едва ли.

Что ж, о вере в суете
Позабыли люди?
Кто теперь поможет? Где?
Может, на Присуде?

Там, конечно, вольный люд,
Ценят лишь свободу
И своих не продают,
Даже Мне в угоду.

Пишут собственный закон,
Чтимый, как святыню.
Так и жили испокон,
Так живут поныне.

Но по вере мне верны,
В них моя надежда.
Выручайте же, сыны,
Коли просит Боже!

А внизу казак сидит,
Точит востру шашку,
Детвора вокруг галдит,
Жинка шьёт рубашку.

Вдруг казак услышал Зов
И сказал без шуток:
- Боже, я почти готов.
Дай лишь пять минуток.

- А не мало ли, донец?
В путь ить едешь дальний.
- Пять минут для нас, Отец,
Срок вполне нормальный.

Видишь восемь казачат?
Братцы-шалопуты.

Попроцаться с кажным натъ
Хучь по полминуты.

А жену ишо обнять,
Да расцеловаться -
Плюс минута, в общем - пять.
Можем отпрапляться.

.....

Вот за энто, братцы, нам
Выдали поблажку:
Мы при входе в Божий храм
Не снимаем шашку.

И как "Вонмем" прозвучит,
Кзаки лишь вправо
Чуть клинки приобнажить,
Православье славя.

Пегие кони

(по мотивам казачьей легенды)

От царёвых войск Степану
Довелось умчаться прочь,
Есаулы Ус да Драный
С ним скакали день и ночь.

Уносили от погони
По дороге, по степной
Казачков лихие кони
Белый, рыжий, вороной.

Оторвались, слава Богу!
Вечер, можно отдохнуть,
Покемарить хучь немного,
А наутро снова в путь.

Атаман и есаулы,
Чтоб не рыскать шлях во тьме,
Сговорившись, завернули
К первой встреченной корчме.

Там пошли в свою светёлку,
Взгляд не бросив на сарынь,
Не заметив, как им волком
Смотрит в спину Мишка Шпынь.

Мишка хлопец был толковый,
С точки зрения жидов,
Воеводам за целковый
Даже мать продать готов.

В полночь Разин вдруг проснулся,
Чай, приснился жуткий сон.
И направил Ваську Уса,
Чтоб коней проведаль он.

Васька сделал всё послушно,
Воротился и донёс -

Всё в порядке на конюшне,
Кони хрупают овёс.

Утром, словно Ванька-встанька,
Разин первым встрел рассвет.
- Гришка Дранный, нут-ка, глянь-ка,
Живы кони али нет?

С ликом бледным и опавшим
Воротился Гришка взад
- Тимофеич, кони наши
Все порублены лежат.

Не поставив караула,
Мы попались на обман.
Ноне, слово есаула,
Не спаситесь нам, атаман!

Ой, чегой-то, братка, доля
Стала горькой, как полынь.
Не иначе нашу волю
Ночью предал Мишка Шпынь. -

Разин мигом на конюшню,
Да как крикнет что есть сил
- Что ж вы, черти, в Бога, в душу!
Аль вам Божий свет не мил?!

Хватит нить, как на погосте!
Ну-ка, быстренько, братья,
Соберите мясо, кости,
Шкуры, гривы и хвосты.

Мы себя спасаем сами,
Я хочу, чтоб у меня
С головами и ногами
Здесь лежали три коня. -

Нет вопроса "или - или?",
Коль приказ Степаном дан.
Есаулы доложили

- Всё готово, атаман! -

Тут промолвил Разин СЛОВО
(Повторишь его навряд).
Кони ожили вдруг снова,
Бьют копытами, храпят.

За спиной у Уса с Драным
Трубы, пламя и вода,
Но о СЛОВЕ атамана
Не слышали никогда.

Как два древних истукана,
Рты раскрыв, не сводят глаз
Есаулы со Степана,
Словно видят в первый раз.

Разин крикнул - Что застыли?
Живо в сёдла и вперёд!
Али может вы забыли
О погоне воевод? -

Оседлали и намётом
Проскакали три версты.
Гришка вдруг заметил что-то
И воскликнул - Эй, братья!

Конь мой белым был, как снега,
Твой был чёрным, твой - рыжак,
А теперь они все пеги...
Как случилось это? Как?!

Тут почал Степан смеяться,
Оглядевши всех коней,
- Собирать останки, братцы,
Нужно было тщательнЕй.

Так что, сами виноваты.
Ну дык, ладноть, ерунда.
Кони малость пестроваты,
Энто горе - не беда.

Кабы тать какой умыслил
Их с конюшни ночью свести,
Вот тады б нам было кисло,
А пока надёжа есть. -

Атаман присвистнул лихо,
Скакуну дал шенкеля
И помчался, словно вихорь,
Через поле ковыля.

* * *

Кони пегие в природе
Появились с той поры,
Неказисты с виду вроде,
Но надёжны и быстры.

Платов и Кутузов

(по мотивам казачьих преданий)

Раз Матвей Иваныч Платов,
Бравый генерал-майор,
Был к фельдмаршалу в палаты
Приглашён на разговор.

Вот примчался он в столицу,
А ему, мол, - Князя нет,
Вы проходите в ту светлицу,
Ихний личный кабинет.

Погодите трошки тута,
Коли верить сим часам,
То, кубыть через минуту,
Он пожалует и сам.

Огляделся в кабинете
Славный вихорь-атаман -
Чудо есть на белом свете!
Я-то думал, что обман.

Вон, ковёр, что степь ковыльна,
Утопает в ём сапог,
И парсун вокруг обильно,
И пейзажей - дай те Бог!

А у двери, слева-справа,
В рост гвардейский (ой-ё-ёй!)
Две макитры на подставах
С сине-белою змеёй.

Вот те на! - Подумал Платов -
Энто что ещё за хрень?
Да, такую экспонату
Принести б себе в курень,

То-то было бы конфуза!
Вдруг услышал шум донец,

Не иначе князь Кутузов
Воротился во дворец?

Платов грудь расправил браво,
Чтобы встретить старика
И макитру, ту, что справа,
Зачепил клинком слегка.

И макитра прямо с полки
На паркет дубовый - хрясь!
Да на мелкие осколки...
Тут как раз и входит князь.

- Ох, с тобой одни растраты!
Знай, отсчитывай рубли!
Мне же вазу эту, Платов,
Из Китая привезли.

Из старинного фарфора,
Ваза парная, заметь!
А ты - бац! Без разговора.
Экий, братец, ты ведмедь.

Не сложить ея, тем паче,
Не подклеить нипочём.
Почему ж в войсках казачьих
Тя считают лихачом?

Не сробел орёл могучий
С Дона вольных берегов
- Я, сиятельство, приучен
Только так и бить врагов.

Чтобы лекарям по новой
В бой не двинуть басурман,
А иначе, право слово,
Что б я был за атаман?!

Улыбнулся князь, а Платов
Говорит - Спокон веков
Есть священные адаты,

Есть закон у казаков.

Если ты чего в сраженьи
Не берёшь с собой в полон,
Разбивай без промедленья
На осколков миллион.

Тут светлейший князь от смеха
Ухватился за бока.
Хороша была утеха
От лихого казака.

- Ой, не зря ты в атамань
Вои выбрали, донец!
Я признаюсь без обмана,
Ты, Иваныч, - молодец!

Что на свете всего милее?

(по мотивам казачьей байки)

Во степи на перекрёстке
Важному паше
Повстречался рыцарь польский
В ярком кунтуше.

Повели они беседу:
Что, чего да как,
Глядь - неведомо откеда
Скачет к ним казак.

Придержал коня гнедого
Около вельмож,
К спору их за словом слово
Подключился тож.

Обсуждали всё толково,
Чинно, не спеша,
Польский пан, казак с Азова,
Янычар-паша.

Час прошёл, другой и третий,
Пан спросил ответ:
- Что милей всего на свете,
Окромя кобет?

Первым высказался турок,
Щёлкнув языком,
Хитрым оглядев прищуром
Пана с казаком.

- Твой вопрос мне слушать странно,
Тут сомнений нет!
Плов из жирного барана -
Истинный ответ! -

- Нет, пся крев! - воскликнул рыцарь
- Ты не прав, паша!

Что с вином могёт сравниться?!
Выпьешь два ковша,

Чтобы в жилах кровь вскипела,
Вот где благодать!
И такая радость телу,
Что не передать. -

- Брешешь, польская зараза! -
Завизжал паша,
- Плов попробуешь, и сразу
Запоёт душа! -

Пан в ответ: - Таких придурков
Не встречал давно!
Матка Боска, втюхай турку,
Что вже ешть "вино"! -

Мигом спешились вельможи,
Гнев заклокотал,
И по брюху, и по роже...
Кто куды попал.

Наблюдал сии дебаты,
Молча, наш донец,
И сказал: - Да будя! Хватит
Драться, наконец!

Вижу я: паша - обжора
И каплюга - пан,
Нету повода для спора,
Невелик дуван.

Всех милей на свете воля,
Да родна земля
И степей донских раздолье,
Реки и поля.

Я ответ на те загадки
Отыскал давно,
На чужбине плов не сладкий

И горчит вино.

А в своей родной станице,
Где ковыль духмян,
С коркой хлеба и водицей
Будешь сыт и пьян. -

Так сказал он и гнедому
Двинул шенкеля
И помчался вихрем к дому,
По степи пыля.

Сказ о святом Иване-воине и разбойных казаках

(по мотивам сказа Андрея Белянина)

I

Года пробежали, столетья прошли,
Давно, ох, давно это было.
Степные пески все следы замели,
Лишь память стереть не под силу.

И досить в станицах гутарят деды,
Как туркам не дали проходу,
О чуде Господнем, явленном тады
В земле Астраханской народу.

Причины я точной назвать не берусь,
Но, как и случалось нередко,
С войною явился на матушку-Русь
Из Турции шах Мухаммедка.

В то лето собрал он своих янычар
Тыщ двести, а то и с лихвою.
Сурьёзно готовил вражина удар,
Победы хотел над Москвою.

Тут конница, пушки, да пеши полки,
Мечи, ятаганы, да копья,
Знамёна зелёные и бунчуки...
Бойцы, а не стадо холопье.

Идут они – ажно трясётся земля
И клонится жито с пшеницей,
И зверь убегает в леса и поля,
И падают замертво птицы.

Но Астрахань-город стоит на пути,
На страже у южной границы.
И нехристям нетути, как ни крути,
Дороги иной до столицы.

И был воеводой там... иль головой...
Ну, кем-то, навродь атамана,
Боярин Серебряный, князь боевой,
Сподвижник царя Иоанна.

Узнал воевода, что движется рать,
Что встреча близка с янычаром,
И отдал приказ ополченье собирать,
Чтоб врага встренуть ударом.

Призвал под ружжо рыбаков, горожан
Служилых, работных, торговых.
Пришли из округи отряды волжан,
Пожертвовать жизнью готовых.

Собрали всех тех, кого можно собрать,
Да только ить было их вместе
Лишь тыщи четыре, ну, может быть пять.
А турок – поболее, чем двести.

А делать-то неча, хучь баял народ,
Что ждут из столицы подмогу,
Да к нужному сроку придёт – не придёт?
Про то только ведомо Богу.

II

Ворота закрыл крепостной гарнизон,
Надёжу забыв на пощаду.
Примчались турки, как стая ворон,
И Астрахань взяли в осаду.

Днём гром громыхает от ржанья коней,
А ночью светло от пожаров.
И степь освещается светом огней
Костров у шатров янычаров.

А шах Мухаммедка смеётся в усы –
Урусы, не будьте строптивы!
Вам, видно, не жаль Астраханской красоты?
Уйдёте – останетесь живы. –

Кто совесть да веру в груди сохранил,
Посулам тем был непокорный.
А грешники, те, кто душою прогнил,
Задумались думою чёрной.

Была там и сотня лихих казаков,
Что ради богатой наживы
Частенько у Волжских крутых берегов
Громила купечьи расшивы.

– От Грозного милости ждать нам не нать,
И гибнуть зазря неохота. –
Не стали злодеев насилком держать
И им отворили ворота.

Идут они прочь от Никольских ворот
Посредь басурманских отрядов.
Оружью каждый на землю кладёт
Под тучей насмешливых взглядов.

Над сотней казачьей хохочут враги:
– Поджилки трясутся со страха?
Урус, без оглядки отсюда беги,
Не стой на дороге у шаха. –

Стыдоба глаза пожирает, что ржа,
Багряны ланиты и уши.
Вдруг крик сзади бабий, как жало ножа,
Пронзил зачерствевшие души.

Взглянули – мальчонка стоит у ворот,
Так, годика три, не иначе.
И как он попал туда, кто разберёт?
Стоит, заливается в плаче.

На стенах и башнях толпится народ,
Стрельцы, ополченцы в тревоге.
Да тока нельзя отворять им ворот,
Ить турки стоят на пороге.

Защитников горстка, а вражьих полков,
Считай, до Хвалынского моря.
Смеются, толкают взашей казаков, –
Ступайте, не ваше, мол, горе! –

III

На миг потемнело, да как громыхнёт!
Зажмурились все от испуга.
Открыли глаза и глядят – у ворот
Высокий стоит казарлюга.

Мальца усадил на плечище своё,
В руке востра сабля зажата,
Другою рукою сжимает копьё
И кличет на бой супостата.

– Аллахом клянусь! – закричал Мухаммед –
Сдадутся сегодня урусы.
У них пехлеванов средь воинов нет.
Один! Остальные все трусы!

Не сможет никто из неверных собак
Избегнуть заслуженной кары.
И первым поплатится этот казак.
Рубите его, янычары! –

И турки, рванув ятаганы подвысь,
Предчувствуя лёгкую сечу,
Смеясь над героем, вперёд понеслись
Судьбе неминучей навстречу.

Разбойники глядь – чужеземная рать
Рванула на храброго воя.
И словно на них снизошла Благодать,
Взыграло в груди ретивое.

Робяты себя осенили крестом,
Мигнули друг дружке по-свойски
И с гиком казачьим почали потом
Крушить Мухаммедкино войско.

На меч без оружия? А хучь бы и так!
Дерутся отчаянно, рьяно.
Минута, другая... и кажный казак
Владетелем стал ятагана.

Пробились к воротам в подмогу к своим,
А турки и слева, и справа.
– Давайте покажем, робятушки, им,
Что значит казацкая слава! –

Рубили, аж черти взопрели в аду,
И ловко, и сильно, и метко.
И дрогнули турки, почуяв беду,
Спужался и сам Мухаммедка.

В той сече жестокой вся сотня легла,
Не будет ей память худою.
Хотя и разбойна была казарла,
Грехи искупила рудою.

Врата городские раскрылись вдруг,
Боярская вышла дружина,
И шах, испытав еще больший испуг,
До дому убрался вражина.

Отвесили турку тогда тумака,
На Русь, мол, соваться опасно.
Мальца сберегли, а того казака
Искали, да только напрасно.

Глаза мне открыл окружной атаман
(Не ведаю, знал он откуда?),
Что был это мученик воин-Иван,
Заступник служилого люда.

И досить в столице стоит его Храм
И кажный казак, что отседа,
По воле судьбы оказавшийся там,
Свечу запалит за победу,

За грешные души зажжёт ещё свеч,

За наши родные станицы,
За дедов, что пали, но всё ж уберечь
Сумели от турка границы.

Как чёрт с казаком в шахматы играл

(по мотивам казачьих сказок Андрея Белянина)

В обчем, дело было так:
В вечерок весенний
Шёл по хутору казак
В чудном настроеньи.

Ну а как ишо идти
Опосля гулянки?
Улыбалси по пути
Кажной хуторянке.

Ту затынет вглубь тенёт,
Подмигнув игриво,
Энту страстно обожгёт
Взглядом, как крапивой.

Иллюстрация Натальи Торопицыной

За окном увидел вдруг
В маленьком домишке
Чёрт расселси и сам-друг
Грает в шахматишки.

Хтось стерпел ба, да казак
Не такого склада.
– Развелося тут чертяк!
Вылезли из ада!

Мимо чёрта как пройти,
Не заехав в рыло?
Не по-божески, браты,
Будет, – рассудил он.

Сбил фуражку набекрень
И для антиреса
Зашагал у тот курень,
Де приметил беса.

От, туды заходит он,
Огляделся трошки:

Печка, фикус, патефон,
Тканые дорожки.

А за шахматной доской
Посреди прихожей
Чёрт в одеже городской
Со свиною рожей.

– Заходи, любезный гость!
Ох уж мне, казАки!
Что случилось? Что стряслось?
Вижу – хочешь драки.

Некультурная братва,
Вот, по сути, кто вы.
Нас завидите едва,
Разорвать готовы.

– Ах ты, нечисть, фордыбак!
Што ж, ловлю на слове, –
Говорит яму казак,
Кулаки готовя.

– Бил я вас и буду бить
И поврозь, и скопом,
Потому негоже быть
Казаку холопом.

Дай вам волю, ваша гнусь
Тут жа двинет рати,
Захотитя дажедь Русь
Под себя подмяти. –

Чёрт воскликнул: – Нет, клянусь
Адом вместе с Раем!
Я, казаче, за союз!
Вот, давай сыграем

Лучше в шахматы с тобой.
Помню, как когда-то
На доске устроил бой

Атаман ваш, Платов.

– Кто, Иваныч? Тот моёт!
Он стратег изрядный.
Так отбреет, наперёд
Будет неповадно

К белым чёрными ходить.
Знал игру, как нада!
Только думаю, кубыть,
Вы же без заклада

Дажедь пешкою ни-ни?
Што на кон, чертяка?
– Душу!
– Што?!!!
– Ну, извини,
Пошутил, однако.

Есть на том моя вина,
Допустил промашку.
Ставь, что хочешь, старина,
Хоть свою фуражку.

Тулья синяя, как ночь,
А околыш красный.
Дай примерить.
– Руки прочь!
Так я несогласный.

Коли мне поставишь мат,
Дам тебе уступку.
Ну, а нет, засунешь, гад,
Хвост свой в мясорубку. –

Чёрт ответил: – Не вопрос!
Я же не перечу. –
Первача бутылъ принёс,
Тягнули за встречу.

И затеялась игра,

Лезли в бой фигуры,
Пешки с криками "Ура!"
Шли на амбразуры.

Очень скоро на доске
Поредели вои.
Поглядел казак в тоске –
Чёрных боле вдвое.

– Што жа делать? Так нельзя! –
Замутились думки.
Под первач стянул ферзя
Как закуску к рюмке.

Схрумкал, вид не подаёт,
Вроде, всё в ажуре.
А нечистый через ход
Вспомнил о фигуре.

– Где мой ферзь, казак, скажи?
– Съел!
– Не верю всёшки.
Быть не может! Побожись!
– Вот те крест! До крошки!

– Ну да ладно, коли так.
Позабыл в запарке. –
Вновь рогатый и казак
Выпили по чарке.

Чёрт мозги свои напруг,
Завоняла сера,
А тем временем казак
Схрумкал ахвицера.

Зубы острые, как штык,
Внутренности крепки,
Главное дело, чтоб в язык
Не впивались щепки.

– Слон на клетке был Д-шесть!

– Где же он теперь?
– Ты его не смог бы съесть!
– Видишь – съел.
– Не верю!

Побожись, казаче, врешь!
– Вот те крест трикратный!
Убежать от мата хошь?
Всё мне понятно. –

Чёрт аж пятнами пошёл,
Пьёт за чаркой чарку.
Вроде ж было хорошо,
Всё теперь насмарку!

А казак за ходом ход
Опосля "обеда"
Пешки двигает вперёд,
Видится победа.

Уж король в углу зажат,
Белых катит лава,
Ход-другой и будет мат
И казачья слава!

Понял чёрт – ему кранты,
Загрустил рогатый.
Вновь спросил: – Когда же ты
Снял с доски ферзя-то?

На каком, скажи, ходу
Съел его, фартовый?
И тогда свою беду
Я признать готовый. –

А казак яму в ответ:
– Отвяжись, страшила!
Этот ход не помню, нет.
Штой-та запершило. –

Кулаком постукал в грудь,

Выплюнул опилки.
– Так што, чёрт, не обессудь,
Плескани горилки. –

Стал чертяка бел, как мел,
Понял всю затею.
– Ты их съел?!
– Так точно, съел.
Отрицать не смею. –

Чёрт воскликнул: – Вот беда,
Вышла мне наука!
По наследству передам
Сыновьям и внукам.

Пусть усвоят на века
Указанье тяти,
Что напротив казака
Не садись играти.

Он же всех согнёт, прохвост,
И в дугу, и в трубку. –
И с тоскою сунул хвост
Прямо в мясорубку.

Как казак на том свете гостил

(по мотивам казачьих сказок Андрея Белянина)

I

В германскую история занятная
Случилась (я слышал от старика) -
В атаке вражья пуля беспощадная
Сразила удалого казака.

Умчалась сотня грозною лавиною,
Вдали затихли звуки, голоса...
А казака душа его покинула
И вознеслася вверх, на небеса.

Глаза открыл казак - дай силы, Боже, нам! -
Повсюду облака, не видно край.
Плетнём высоким что-то огорожено,
Ворота и табличка "Тута рай".

А у ворот с ключей огромной связкою
Сам Пётр стоял в накидке без погон,
Лишь шаровары с красными лампасами
Виднелись, где кончался балахон.

- Ну, что, казаче, радуйся спасению!
Ведь кто за Дон и веру пал в бою,
По нашего Отца распоряжению,
Тот заработал право жить в раю.

- От праздной жизни пропаду я пропадом,
Без службы мне не выдержать и дня.
Ты, мил-апостол, побеседуй с Господом,
Пущай подыщет чё-нить для меня. -

Святой привратник пыхнул самокруткой
И так сказал, ворочая ключом,
- Найти в раю работу дело трудное,
Иди и сам узнаешь, что почём.

Поддерживай порядок, экологию,

Чтоб души не грешили втихаря,
Молились, вечно помнили о Боге и...
Не приставай к Всевышнему зазря.

Короче, разберёшься сам на местности.
- Свобода, нычит? Ладноть, коли так. -
И в путь навстречу райской неизвестности
Отправился отчаянный казак.

II

Вот, подошёл к окну однажды Господи
И ахнул - Что такое, так-растак?! -
Внизу, на самой главной райской площади,
Шермиции затеял им казак.

По праву руку души тычут пикою,
По леву рубят шашками лозу,
А там святые верхи, громко гикая,
Бесстрашно джигитуют на базу.

В казачьей справе ангелы крылатые
Играют "Православный тихий Дон",
И громовыми грозными раскатами
Разносится их мощный баритон.

И каждый херувим горит желанием
Казаться настоящим казаком,
Поскольку те, в ком не было старания,
Отсвечивают свежим синяком.

На кулачках решили силой мериться,
На стенку стенка движется волной.
Того гляди, возьмут, да вознамерятся
Всей армией на ад идти войной.

- Да что же происходит здесь, на площади?
Кто за базар ответит, наконец?!
И кто гарцует под окном на лошади? -
Воскликнул озадаченный Творец.

А после кулаком как стукнет по столу,

- Кому сюды напрасно пропуск дан?!
- Казак - виной! - ответили апостолы
- Устроил тут из рая нам майдан.

- И что, выходит, энти безобразия
Возникли тут по милости донца?
Да чтоб у вас всех очи повылазили!
Отправить срочно в пекло наглеца! -

А что казак? Геены не боится ли?
Как говорится, черт ему не брат!
Поправил чуб, усы и амуницию,
И зашагал из рая прямо в ад.

III

Увидев казака в своём владении,
Нечистый засиял, как пятачок.
- Я - говорит, - горю от нетерпения
С тобою поквитаться, казачок.

Для гостя дорогого, слуги адовы,
Несите дров побольше и угля,
А слушаться речей его не надо вам,
Как брехней кобеля иль москаля.

Помучьте казака, страшиться нечего.
Пушай кипит и булькает смола,
А я вернусь сюды попозже вечером,
Проверю, как у вас идут дела.

Вернулся сатана глубокой ночью
И видит он, что сосланный донец
Всех дьяволов, чертей и нечисть прочую
По аду загонял уже вконец.

- Давай живее, племя свинорожее!
Сварить меня? Ага, держи карман!
Костёр разжечь как следует не можете.
Не я у вашей сотни атаман.

А черти, от усталости хрипящие,

Снуют, на плечи свесив языки.
Ни разу им, рогатым, настоящие
В котёл не попадались казаки.

И в местном медицинском отделении
С инфарктом слёг уже не первый бес,
А трое написали заявление -
Отправить их работать в РАЙсоБЕС.

И сатана сказал себе - Отличненько!
Вопрос поставлен, типа, выбирай:
Всё пекло дальше мучить со станичкой
Иль отпустить его обратно в рай?

Ответ понятен каждому: амнистия! -
И вот, спустя буквально полчаса,
Донца отмыли черти и отчистили,
И указали путь на небеса.

IV

И что с тобою делать? - мыслил Господи -
Не в рай же пропускать опять назад.
Ты дулю сатане поднёс под нос, поди.
Не зря тебе возврат оформил ад.

Казак в ответ с улыбкою потешною
Сказал - Отец небесный, выход есть.
Верни на землю в тело душу грешную,
Делов там у меня - не перечеть.

Ты видишь? Не ступилась шашка вострая.
Ты слышишь? Не закончилась война.
И ждут меня живым маманя с сёстрами,
И ждут ишо детишки и жена.

Дозволь мне погулять в степи пока ещё,
Хочу напиться волей на века.
А как найдёшь душе моей пристанище,
Так я приеду, слово казака!

Всевышний усмехнулся - Что же, вроде Нам

Решенье подсказал ты, хитрован.
Ну, ладноть, оживай, скачи на родину.
Считай, что энто главный твой дуван.

И сразу же по милости Создателя
Казак наш очутился на земле
В кругу своих станичников-приятелей
Живой, здоровый, с шашкой и в седле.

Узнали люди Божье Откровение,
Усвоили Божественный Завет,
Что казаку донскому по рождению
На свете том для жизни места нет.

И смерть теперь для нас не дуже страшная,
Коль места нет ни в пекле, ни в раю.
А место на коне, да с верной шашкою,
И слава - пасть за родину в бою.

Так неча зря судьбу переиначивать,
Чего не миновать, тому и быть.
Но переводу роду нет казачьему!
И любо, братцы, любо, братцы, жить!

Как казак чуть в Рай не попал

(по мотивам "Казачьих сказок")

А было это, братцы, так -
На ярмарке Покровской
Купил волов себе казак
Станицы Дубенцовской.

Ему бы враз домой идти,
Глядишь, поспел бы к ночи,
Да в кабаке он по пути
Залил со сватом очи.

Не каждый день такой улов
Выходит, скажем смело.
Так выпить чарку за волов,
Кубыть, святое дело.

Рога и холки, и хвосты,
И каждое копыто...
Короче, было всё, братья,
Старательно "обмыто".

Ночь запалила каганцы
И в Дон плеснула дрёму,
Тогда решили молодцы -
Пора бы ехать к дому.

И поплелись волы, пыля,
От кочки и до кочки.
Казак играл "Про Шамиля"
И "Полно вам, снежочки".

Играл, да трошки задремал.
Чай, выпито не мало.
Да шлях туды-сюды путлял,
Ероя укачало.

Волы же сами по себе
Брели, пока не встали.

Ни тпру, ни ну, ни цоб-цобе,
Как царь на пьедестале,

Как бравый воин на посту,
Как лыцарь на картине.
Случилось это на мосту,
Как раз на середине.

Донец проснулся, не поймёт,
С какого перелеяка
Сияет звёздный небосвод
Внизу? Вопрос, однако!

Ну, не хватило, казаки,
Ему соображенья,
Что это в зеркале реки
Простое отраженье.

А он решил наоборот
(Причину я не знаю),
Что коли снизу небосвод,
Так он подъехал к Раю.

Решил: "Господь наверняка
Усилить Райзащиту
Призвал живого казака
В свою святую свиту".

Хотя превратностей в судьбе
Ерой видал без счёта,
Но, скажем, трошки оробел
С такого поворота.

- Святые все - цари, князья,
Вельможные персоны...
С простыми хлопцами, как я,
Им знаться нет резона.

На кой мне сдался энтот Рай
И шлях Чумацкий звёздный?
Поеду я в родимый край,

Пока ишо не поздно.

Ну, что стоим? А ну, пошли!
Не то пропарю спины.
Идите прямо до земли,
Ленивые скотины! -

Волы взохнули: "Вот, чудак.
Поспи, такая ночка!"
И, не спеша, за шагом шаг
Спустились вниз с мосточка.

Глядит вокруг себя казак -
Всё стало вновь привычно:
Вон, наверху Чумацкий шлях,
А снизу шлях обычный.

И, слава Господу Христу,
Дорога та знакома.
По ней пройдёшь одну версту
И будешь возле дома.

А дома жинка и обед:
Блины, да медовуха.
Ить с райских яблок толку нет,
А токмо пучит брюхо.

Да, повезло на энтот раз,
Сумел пройти по краю.
А не проснись он в нужный час,
Волы свернули б к Раю.

А там при картах при таких
Иного нет расклада -
Быть вестовым у всех святых.
Оно нам, братцы, надо?

Сбуди меня поране

(по мотивам "Казачьих сказок" Бориса Алмазова)

Усе уселись? Ну, добро.
Мне тут поведал дед Петро
Историю про кума.
Тот как-то с ярмонки домой
Вертался позднею порой –
Устретил односума.

За штофом доброго вина
Они сидели допоздна.
И так как до станицы
Далёко было чикилять,
То кум решил заночевать
По ходу у вдовицы.

Рис. М. Гаврилова и А. Гусарова

От он заходит к ей на баз,
А там приют нашел как раз
Священник на ночь тоже.
Вдвоём за стол попить-поисть
И так уж дымки набрались,
Што Господи мой Боже!

Но суть не в энтом. Перед сном
Кум у вдовицы об одном
Просил – сбудить поране,
Мол, дома дел невпроворот,
Жана волнуется и ждёт,
А ён застрял по пьяни.

А поп, укладываясь спать,
Велел – будить яво не нать,
Поскоку службы нету.
Задали оба храпака.
И вот, вдовица казака
Сбудила до рассвету.

Проснулся кум, вокруг ни зги,
Чекмень намацал, сапоги,

Да вишь, с хмельного глазу
(А мож нечистый шутканул),
Но на себя он натянул
Священникову рясу.

Запряг казак своих волов,
Поехал... вскоре рассвело.
Глядит он – шось негоже?
С какого на мене рожна
Заместо синего сукна
Церковная одёжа?

С досады плюнул кум тогда –
От глупых баб одна бяда!
Как я не понял сразу?!
Под утро, видно сослепа,
Сбудила всё ж таки попа.
Попутала, зараза!

Жадный староста

(по мотивам "Казачьих сказок" Бориса Алмазова)

Как-то стали казаки на селе постоем,
Попросили для коней малость фуража.
Только староста завыл ажно волчьим воем,
Так, кубыть яму под хвост врезалась вожжа.

– От, баглаев чёрт послал, бисово отродье!
Так ить сена накосить, как испить воды.
Взяли косы на плечо, да вперёд, в угодьё.
Вам – забава, а для нас – тяжкие труды.

Рис. М. Гаврилова и А.
Гусарова

– Служба – начал вестовой, но урядник строго
Оборвал яво: – А ну, трошки помолчи!
Все луга покосим враз. Глянь, народу много.
Ну а плата какова будет?
– За харчи!

– Мы согласны!
Казаки, взяв с собой литовки,
Грабли, сало, хлеб да квас, двинули в луга.
Положили близ себя шашки да винтовки,
Поснидали всё, что есть, да и спать, ага.

Жадный староста цветёт – хлопцев одурачил!
Энто ж надо, за гроши выправил покос!
И на радостях решил лошадям казачьим
В торбы щедро положить жито и овёс.

А наутро казаки выспалися вволю,
К дому старосты пришли – Принимай труды,
Покосили мы траву во широком поле
И смели её в стогов длинные ряды.

Наломались при том до седьмого пота,
От устатку боль в спине, ноженьки дрожат.
И по совести бы нать хлопцам за работу
Окромя харчей ишо предложить деньжат.

Жадный староста у крик – Уговор дороже!
Я поверх не положу дажедь пятака!
И не стройте тут мине жалистные рожи,
Кажный знает наизусть хитрость казака!

– На уступку не идёшь, значитися? Отменно!
Тольки мы-то не хотим тожа быть в долгу.
Так пушай тады в стога собранное сено
Вновь некошенной травой станет на лугу.

От, наука наперёд будет живоглоту.
Заруби себе, куркуль, што по чести нать,
Без обмана оплатить кажную работу.
Казаки они того, могут колдовать!

Сели верхи, понеслись, во степи растаяв,
Тольки посвисты да гик издаля слышны.
Ну а староста в луга, там трава густая...
Не сбrehали варнаки, точно – колдуны!

И селянам-мужикам наказал с испугу,
Коль чиво-то казаки пожалают впредь,
Оказать им завсегда нужную услугу,
Хучь в убыток для себя. Лучше потерпеть!

Защита

(по мотивам анекдота)

Однажды, люди говорят,
Казак из Таганрога,
Индус и негр попали в ад.
Видать, грешили много.

И главный чёрт, прищуря глаз,
Сказал: "Ну, что, ребята,
Хотите в рай? Так я для вас
Всё сделаю по блату.

Преграды нету, верьте мне,
Одна лишь закавыка -
Вы три удара по спине
Сдержать должны без крика.

И отпущу без лишних слов.
Всё честно, без утайки.
Ну, кто попробовать готов
Удар моей нагайки?

При этом ладно, так и быть,
Глаза закрою, коли
Щиток подложите (кубыть,
Поможет вам от боли)".

Тут негр выскочил, атлет,
Шварцнеггер, не иначе,
Ещё надел бронежилет
И первым стал к раздаче.

Удар хвостом - конец броне,
Второй удар поболее -
Ад замер в жадной тишине,
Внимая крикам боли.

"Ну, что же, негра, Иисус
Не твой теперь владыка".

Тут чёрта перебил индус:
"Постой-ка, погоди-ка.

Попробуй свой удар на мне,
Уж я-то, слава Богу,
Над болью властвую вполне
И знаю хатха-йогу".

Удар, второй и третий... Эх!
Индус молчит, паскуда.
Каким-то образом успех
Ему устроил Будда.

Чёрт хмыкнул: "Слово я сдержу,
Хоть вышло всё паршиво.
Однако шефу доложу -
Мышей не ловит Шива.

Ты заслужил дорогу в рай,
И я тебя не кину.
Вон, лифт подъехал, не зевай,
Скорей садись в кабину".

- "Нет, ехать сразу не с руки,
Чуть-чуть позжей поеду.
Я посмотрю, как казаки
Куют свою победу.

Он был при жизни на коне,
Черёд настал быть битую.
Пущай помыслит о спине
И выберет защиту".

Чёрт согласился: "Молодец!
Вкуси чужого краха.
Ну, выходи вперед, донец,
Ужели нету страха?

Ты что, казаче, думал в рай
Протоптана дорога?
Давай, защиту выбирай!"

- "Так я и выбрал. Йога!"

Легенда о Волге и Доне

(по мотивам книги В. Моложавенко "Тайны донских курганов")

I
В стародавние года
Дело это было.
Волга-матушка тогда
К морю путь торила.

По полям, да по лугам,
Сквозь леса да рощи
Шла к Хвалынским берегам,
Набираясь мощи,

Наливаясь красотой,
Через плёсы, выри,
С каждой пройденной верстой
Становясь всё шире.

Отдохнуть легла она
Как-то близ яруга
И взгрустнула - Всё одна,
Нет милОго друга.

Вроде обликом красна,
Кто со мной сравнится?
Вон как вольная волна
Пенится, искрится!

"Дон Иванович" худ. Н.Н. Гусаров

Здесь нежна я и тиха,
Там сильна в быстрине...
А поди ж ты, жениха
Нету и в помине.

Сёстры, Кама и Ока,
Может на примете
Богатырская река
Есть у вас? Ответьте!

Не виляйте ручейком,

Говорите прямо.
- Не слыхала о таком -
Отвечала Кама.

А Ока сказала - Ах,
Как ты угадала?
Я недавно во степях
Молодца видала.

И красив он, и могУт,
С вольной волей дружен.
Дон Иванычем зовут.
Тот, кто тебе нужен.

Ты пошли свой молодняк
В те края, сестрица.
Пусть узнают что да как,
Может пригодиться.

II

Волга рано поутру,
Не тяня бодягу,
В степь отправила Суру,
Вместе с ней Свяягу

Вслед за Доном походить,
Погулять по свету,
Что унают - доложить
Мамке по секрету.

Путь проделала Сура
По степи недолгий,
С Доном спутала Хопра
И вернулась к Волге

- Нет, маманя, не бывать
Дону Вашим мужем.
Ведь у Вас такая статья!
Он намного уже.

Неширок и неглубок,

Норовом спокойный.
Вам же надобен поток,
Ваших вод достойный.

А Свияге лень искать
Реку незнакому,
Попутляла и опять
Потекла до дому.

- Волга-матушка моя
И Сура-сестрица,
Исходила степи я
Ажно до границы.

А добравшись до конца,
Двинулась в начало,
Но ни Дона, ни Донца
Так и не встречала.

III

- Да, от дочек неча ждать
Исполненья долга.
Сразу видно - дурят мать. -
Догадалась Волга.

- А Ока-то не соврёт!
Я ж сестрицу знаю.
Сделать что ли заворот
Мне к степному краю?

Там земля, поди, мягка,
Мёдом пахнут травы...
Так подумала река
И свернула вправо.

А в степи жара да зной
С самого рассвета.
Тёмной тучки ни одной
Нет с начала лета.

Солнцем плавится земля,

В небе ворон-птица,
Только речка Иловля
В ковылях струится.

Да Медведица-краса,
Да Хопёр-войка -
Дона родичи. А сам,
Где же он, однако?

Волгу высмотрел Хопёр
Возле переката
(У него, чай, глаз востёр!),
И бегом до брата.

- Дон Иваныч, будь готов
Гостье течь навстречу,
Сладим свадьбу без сватов
Здесь, на междуречье.

Всколыхнулся Тихий Дон,
Получив известье,
И направил волны он
К будущей невесте.

Так спешил ей поднести
Вод казачьих чарку,
Не заметил на пути
Речку Богучарку.

Придавил её слегка,
Притоптал немножко.
Ну, дык, с этих пор река
И осталась крошкой.

IV

А у Волги, без брехни,
Окромя двойняшек,
Было множество родни,
В том числе племяшек.

И одна из них река

(Ахтубою звали)
Тётку стала допекать,
Мол, в степные дали

Той ходить никак нельзя
По чужим дорогам.
У неё своя стезя,
Заданная Богом.

Бег у Волги чуть утих,
Вспомнились адаты.
А племяшка - Где ж жених?
Каб мила была ты,

От любви без ума
Рядом был бы ныне.
Что ж ты рыскаешь сама?
Где твоя гордыня?

Слово за слово, и вот
Волга понемногу
Вновь свершила поворот
На былу дорогу.

Ко Хвалыни на рысях
Двинулась, как прежде,
Крест поставивши в слезах
На своей надежде.

Дон, узнав про сей каприз,
Осерчал и с горя
Повернул и двинул вниз,
В Сурожское море.

Так на долгие века
Словно бы кордоном
Волга-матушка река
Разлучилась с Доном.

Хопёр и Ворона

(по мотивам легенды)

Дед рассказывал мне, а ему его дед
О делах, что свершались когда-то.
Интересно послушать сказанья тех лет?
Ну, бегите сюды, пострелята.

Это было давно, от Днепра по Итиль
Степь, как лебедь, раскинула крылья.
И на солнышке грелся высокий ковыль,
Припорошенный светлою пылью.

Что за слово Итиль? Ну, дык, в те времена
Было имя такое у Волги.
Диких половцев рыскали вокруг племена
По степи, словно чёрные волки.

Ну, а там, где границы ковыльной травы
Окаймлялись густым чернолесьем,
Меж деревьев укрывались селенья мордвы
И другие славянские веси.

А у хана Токая дочурка была,
И мила, и светла, как зарница.
Тёмный волос под цвет вороного крыла,
А уж в ловкости кто с ней сравнится?!

Женихов у шатра половецкой княжны
Было столько – не дай тебе Боже:
И молодые мордвины, и степи сыны,
И славянские витязи тоже.

Табуны лошадей женихам не нужны,
И не надоть им ханского трона,
Лишь бы взгляд уловить черноокой княжны,
Лишь бы им улыбнулась Ворона.

А Ворона приветна ко всем и добра,
Никому не давала отбоя.

Только всё ж отличала красавца Хопра,
Златокудрого вятича-воя.

Но недолго в надежде купался жених.
Налетели татары-шайтаны
И в полон захватили младых и седых,
И пожгли половецкие станы.

Лишь княжне удалось убежать от татар,
Но за ней снарядили погоню
Быстроконные Важдя, Карай и Чембар.
Не уйти от батыров Вороне!

Где же скрыться?! На север! Там смелый Буртас,
Славный воин мордовского рода.
И в любви половчанке он клялся не раз.
Там защита её и свобода!

Только грозный Буртас как завидел врага,
Так мгновенно забыл о зазнобе.
Он в густые леса припустился в бега,
И надёжно укрылся в чащобе.

Что же делать беглянке? Хошь смейся, хошь плачь...
Но всё ближе татарские кони.
Повернула на запад, Ломовис-силач,
Чай, поможет уйти от погони?

А Ломовис Большой был жениться не прочь
На красавице, только вот если
Положить свой живот, хучь за ханскую дочь –
Энто дудки! И сбёг в чернолесье.

Вдруг откель ни возьмись вятский витязь Хопёр,
На скаку подхвативши Ворону,
Устремил своего вороного в опор
За защитою к Батюшке-Дону.

Потемнел Тихий Дон (ажно ветер затих),
Заповедное молвил словечко
И самих беглецов, и гонителей их

Превратил в полноводные речки.

Вот, кужата, весь сказ про истоки Хопра.
Вы о том, что услышали в байке,
Хорошенько подумайте завтра с утра,
А сейчас отправляйтесь байки.

Притча о двух волках

(по мотивам известной притчи)

Дед под вечер на печи
Говорил унуку:
– Ты, Ванюша, заучи
Древнюю науку.

На душе у казаков
Со времён Коляды
Словно битва двух волков
Насмерть, без пощады.

Чёрный – с носа до хвоста
Чадо Люцифера,
Ну а белый – доброта,
Истина, да вера.

Приздумался малец
И спросил у деда:
– А за кем же, наконец,
Станется победа?

Был ответ дедуни тих:
– Видишь ли, Ванюша,
Волк, что ест из рук твоих,
Выиграет душу.

Притча о дружбе

(по мотивам притчи П. Козльо)

Ох, брехать я не мастак.
На войне, робяты,
Пали коник и казак
От одной гранаты.

И едва затихнул бой,
К поднебесной выси
Души их, само собой,
Плавно вознеслись.

В Рай калитка, а на ней
Строгая записка,
Мол, нельзя сюда коней
Подводить и близко.

Горько стало, но казак,
Слёзы утирая,
Твёрдо молвил – Коли так,
Обойдусь без Рая.

Другу места не нашли,
Дык и мне не надо.
И по облаку пошли
Вместе вдоль ограды.

Долго шли, а может нет,
Видят – что такое?
Вновь калитка, рядом дед
Старенький с клюкою.

– Дед, ты ангел али бес?
Признавайся, кто ты?
И в какую часть небес
Стережешь ворота?

– Рай у нас, станичник, тут –
Дед ответил просто.

– Все Петром меня зовут,
Звание – апостол.

– Я с конём могу пройти?

– Проходи, воитель.

Нет запрета на пути

В Райскую обитель.

– Почему ж у тех ворот

Для коней преграда?

– Там не Рай, наоборот,

То – ворота Ада.

Ты искус прошёл, и вот

В том твоя заслуга.

Рай найдёт лишь только тот,

Кто не бросит друга.

Притча о Рае и Аде

(по мотивам известной притчи)

Попал казак однажды в Рай,
Глядит вокруг, дивится,
Народу всюду через край,
Приветливые лица.

И не услышать в их речах
Ни зла, ни укоризны,
И счастье плещется в очах,
Довольны люди жизнью.

И ни дворцов нет, ни палат,
Знакомо всё до боли:
Донская степь, вишнёвый сад,
Засеянное поле.

Идёт казак, глядит вокруг.
Всё – любо, всё – отрада!
И антиречно стало вдруг,
А что ж там в мире Ада?

Пришёл к Архангелу навродь
(Узнаешь чин не сразу)
– Дозволь на Ад взглянуть, ваш-бродь,
Мне хучь бы краем глаза.

А тот ему – Давай, пойдём.
Секрета тут немає,
Ить любопытство я твоё
Прекрасно понимаю.

Тем паче, что для Рая Ад
Совсем не заграница.
Ну, вот, пришли они, глядят –
Такая же станица.

И степь, и лес, и пышный сад,
И тучная худоба...

Всё, как в Раю, да только взгляд
Людей пронзила злоба.

Им то не эдак, то не так,
Не любо в мире Ада.
Спросил Архангела казак
– А шо же дурням надо?

– А ты в их души загляни,
Их зависть-злоба мучит,
Поскольку думают они,
Кубыть в Раю получче.

Запоминай, казак, смотри,
В чём сущность Ада с Раем.
И то, и то у нас внутри,
Мы сами выбираем.

Притча о семенах

(по мотивам известной притчи)

Приснился как-то сон Екатерине
(Привидится ж такая сумасбродь!),
Что за прилавком в местном магазине
Стоит не кто иной, как сам Господь!

- Ужели ты? – вскричала молодица.
- Да, это я, – ответил чинно Бог.
- А чем тут ноне можно прикупиться?
- Дык, чем захощь. Вон полный каталог.

– Тогда отвесь мне, Господи, здоровья,
Удачи, счастья, денег два мешка,
Чтоб жизнь была наполнена любовью,
Чтоб замуж вышла я за казака.

Кивнул Всевышний и ушёл в подсобку,
У девки ажно замерло в груди.
Выносит ей бумажную коробку...
– И это всё??? Пстой-ка, погоди!

– Да, это всё, – ответил Бог с улыбкой, –
И твой заказ я выполнил сполна.
Меня не путай с золотою рыбкой.
Купить возможно только семена!